Нелидов.
Наука о государстве.

E 85/358

89.
358.

НАУКА О ГОСУДАРСТВѢ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ

ВЫСШАГО СПЕЦІАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Р Ѣ Ч Ь,

ЧИТАННАЯ НА АКТѢ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ 30-ГО АВГУСТА 1872 Г. ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА Н. НЕЛИДОВЫМЪ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ тип. Губернскаго Правленія.
1872.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

НАУКА О ГОСУДАРСТВѢ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ

ВЫСШАГО СПЕЦІАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

«In dem Begriffe der deutschen «Universität liegt schon an sich «die Nothwendigkeit einer von «Zeit zu Zeit eintretenden Ausdeh- «nung.» R. v. Mohl. Staatsrecht, Uölkerrecht und Politik. B. III.

I.

Довольно давно уже въ средѣ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ и публицистовъ раздаются голоса, доказывающіе настоятельную необходимость преобразованій въ преподаваніи государственныхъ наукъ; при чемъ одни желаютъ лишь расширенія политическаго и административнаго преподаванія въ существующихъ юридическихъ факультетахъ; другіе-же требуютъ выдѣленія государственныхъ наукъ изъ тѣхъ областей знаній, съ которыми онѣ, по издавна установившемуся обычаю академическаго преподаванія, составляли одно цѣлое подъ общимъ именемъ частью юридическаго, частью философ-

БИБЛІОТЕКА

скаго факультета. Въ послѣднее время все чаще и чаще говорятъ о необходимости самостоятельно организованнаго преподаванія государственныхъ наукъ,—въ видѣ ли особаго факультета или въ видѣ отдѣленія одного изъ существующихъ факультетовъ. Но не смотря на эти, подъ часъ настойчивыя заявленія, дѣйствительная жизнь не спѣшитъ удовлетворить вновь возникающимъ требованіямъ и осуществляетъ ихъ пока довольно вяло, въ видѣ разрозненныхъ попытокъ кое-гдѣ отдѣлить государственныя науки отъ философскаго или юридическаго факультета и дать имъ самостоятельное положеніе въ сферѣ университетскаго ученія. Самыя попытки далеко не всегда могутъ быть названы удачными.

Судя по этому факту, можно, пожалуй, придти къ заключенію, что и требованія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, ни болѣе ни менѣе, какъ причудливыя желанія ученыхъ, увлеченныхъ своею спеціальностью. и самолюбиво пытающихся создать самостоятельную отрасль человѣческихъ знаній изъ тѣхъ дисциплинъ и ученій, которыя по самой сущности своей, не могутъ имѣть самостоятельнаго существованія, которыя, такъ сказать, обречены своей природой находиться въ постоянной связи съ другими предметами знанія, т. е. или съ философіей или съ науками юридическими и занимать въ отношеніи къ нимъ не болѣе какъ служебное положеніе. Но такой приговоръ нельзя признать безошибочнымъ.

Что наука о государствѣ въ области ученой литературы давно уже получила право гражданства и признаніе своего значенія—съ этимъ, конечно, никто не споритъ. Умъ человѣка, уже со временъ отдаленной древности, въ ряду другихъ предметовъ мышленія поставилъ и государство. Стремленія уяснить сущность и цѣли государства проходятъ чрезъ всю исторію интеллекту-

2007043232

альнаго развитія человѣчества и создали громадную литературу. Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ болѣе эта литература представляетъ трудовъ, спеціально изслѣдующихъ государство и выдѣляющихъ его изъ философскихъ системъ, въ которыя оно входило только, какъ часть стройнаго цѣлаго, обнимающаго все міросозерцаніе той или другой школы мыслителей. Такимъ образомъ съ этой чисто количественной стороны, съ точки зрѣнія богатства матеріала, за государственными науками должно быть признано свойство самостоятельности. Рѣчь идетъ въ настоящее время такъ сказать о качественной сторонѣ дѣла, о томъ на столько-ли самостоятельно содержаніе науки о государствѣ, самый предметъ ея изслѣдованій, чтобы различныя ея вѣтви могли образовать въ своей совокупности отдѣльный циклъ знаній и организоваться въ особую систему преподаванія.

Вопросъ о необходимости независимаго учебнаго учрежденія для преподаванія извѣстной отрасли знанія можетъ быть рѣшаемъ съ двухъ точекъ зрѣнія, именно: эта необходимость или можетъ быть выведена изъ внутренняго значенія самой науки или же можетъ быть доказываема путемъ практическихъ соображеній, т. е. основываться на потребностяхъ дѣйствительной жизни.

Въ примѣненіи къ государственнымъ наукамъ такою потребностью, побуждающею желать отдѣльной организаціи ихъ преподаванія, является то обстоятельство, что общество нуждается въ спеціально образованныхъ чиновникахъ государственной службы, что раціональное управленіе государствомъ обезпечено только въ томъ случаѣ, когда государство располагаетъ достаточнымъ количествомъ хорошо подготовленныхъ людей, которые являются проводниками его мысли и воли въ самой жизни. Бо́льшая часть французскихъ и нѣмецкихъ

писателей, настаивающихъ на устройствѣ особыхъ учрежденій для политическаго и административнаго образованія, имѣетъ въ виду при этомъ, главнымъ образомъ, практическія соображенія, ссылается преимущественно на недостаточность и неполноту образованія, получаемаго административными дѣятелями въ юридическихъ факультетахъ (*). Нельзя совершенно отрицать силу этихъ практическихъ требованій жизни; но надо сознаться, что они одни не могутъ служить вполнѣ достаточнымъ поводомъ къ обособленію преподаванія государственныхъ наукъ въ отдѣльную систему.

Есть другое, болѣе прочное основаніе къ такому обособленію; оно скрывается въ самой сущности науки о государствѣ.

Эта наука, въ свою очередь, есть одна изъ составныхъ частей обширнаго цѣлаго, обнимающаго собою знанія, относящіяся къ совмѣстной жизни людей, имѣющія предметомъ изслѣдованіе человѣческаго общества. Государство представляетъ собой регулированную упорядоченную жизнь человѣческаго общества. Это начало порядка, устраиванія организаціи многоразличныхъ отношеній въ обществѣ есть то, что должно быть названо *государственнымъ* или *правительственнымъ* началомъ; оно именно и придаетъ человѣческому обществу характеръ государства. На этомъ основаніи и самое регулирующее начало называютъ иногда государствомъ и противополагаютъ его обществу. Въ сущности же подъ государствомъ надо понимать организованное общество т. е. такое, въ которомъ существуетъ и дѣйствуетъ государственное начало. Этому процессу упорядоченія, смотря по условіямъ времени, мѣста, степени

(*) Mohl; Staatsrecht Völkerrecht und Politik, B. III. 200 fg. Dietzel, Strassburg, als deutsche Reichsuniversität.

развитія членовъ, въ той или другой мѣрѣ, подлежатъ всѣ разнообразныя отношенія человѣческой общественности, всѣ явленія соціальной жизни. Религія, наука, искусство, воспитаніе, общественное хозяйство—все это такъ или иначе подлежитъ дѣйствію той силы, которая называется государственнымъ началомъ. Нормы, устанавливаемыя государствомъ и имѣющія своимъ содержаніемъ различныя мѣры, принимаемыя государствомъ для регулированія общественной жизни въ различныхъ ея сферахъ, могутъ быть названы правомъ въ широкомъ значеніи этого слова. Право выражается въ различныхъ формахъ, обусловливаемыхъ отчасти степенью развитія общества. Оно или облекается въ форму закона или высказывается въ видѣ положеній, выработанныхъ наукой, или наконецъ проявляется въ обычаѣ, основанномъ на непосредственномъ юридическомъ убѣжденіи народа. Въ первоначальныя эпохи гражданственности обычай представляетъ исключительную форму выраженія права и замѣняетъ собою два другіе его источника, какъ обыкновенно ихъ называютъ, законъ и науку. Но и въ цивилизованныхъ обществахъ, юридическій бытъ которыхъ отличается богатствомъ и сложностью явленій, имѣетъ мѣсто обычай, какъ форма обнаруженія права. Во всякомъ случаѣ, въ какихъ бы формахъ не проявлялось право, оно представляетъ собою дѣятельность государственнаго начала; органомъ этой дѣятельности является или законодатель, или представитель науки, или самъ народъ.

И такъ понимаемое въ этомъ смыслѣ право есть вообще дѣятельность государственнаго начала, направленная къ опредѣленію явленій жизни общественной. Раскрытіе законовъ этой дѣятельности составляетъ задачу науки о государствѣ. Потому съ этой точки зрѣнія наука

о государствѣ и наука права тождественны. Но изъ общей массы разнообразныхъ жизненныхъ явленій выдѣляются особенныя группы, въ которыя складываются явленія и отношенія, имѣющія одинаковыя существенныя свойства и признаки. Одну изъ такихъ своеобразныхъ группъ представляютъ явленія и отношенія, вызываемыя необходимостью у отдѣльнаго лица, общественныхъ сферъ и самаго государства пользоваться личными и имущественными благами для удовлетворенія своихъ потребностей. Регулирующая дѣятельность государственнаго начала относительно этой группы общественныхъ явленій, выражается въ созданіи нормъ, которыя опредѣляютъ и охраняютъ общественныя отношенія, возникающія изъ пользованія личными и имущественными благами. Такимъ образомъ сама жизнь заставляетъ этотъ видъ дѣятельности государства и являющіяся плодомъ его нормы отличать отъ другихъ видовъ государственной дѣятельности и обозначать особымъ названіемъ. Дѣйствительно въ болѣе тѣсномъ, такъ сказать ходячемъ, значеніи словомъ право обозначаютъ преимущественно тѣ нормы, которыя опредѣляютъ и охраняютъ личныя и имущественныя блага какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ различныхъ общественныхъ сферъ и самаго государства. Эти опредѣленія, взятыя въ совокупности, составляютъ то, что называется гражданскимъ и уголовнымъ правомъ; нормы, установляющія порядокъ охраненія и возстановленія этихъ правъ, составляютъ процессуальное право. Юристомъ называется обыкновенно тотъ, чья дѣятельность заключается или въ изученіи гражданскаго и уголовнаго права или въ непосредственномъ приложеніи ихъ опредѣленій къ жизни.

Право въ тѣсномъ смыслѣ слова составляетъ одно изъ явленій общественной жизни, явленіе столь же есте-

ственное и неизбѣжное, какъ религія, наука, производство и потребленіе благъ и т. п. Дѣятельность государства по отношенію къ установленію и охраненію права можетъ составить предметъ изслѣдованія и изученія и въ этомъ своемъ качествѣ есть одна изъ отраслей цѣлой системы государственныхъ наукъ, имѣющихъ, какъ мы видѣли, задачей раскрытіе законовъ дѣятельности государства по отношенію къ явленіямъ общественной жизни. Отсюда ясно, что наука права, въ тѣсномъ смыслѣ слова, юриспруденція есть ничто иное, какъ часть науки о государствѣ, какъ въ свою очередь эта послѣдняя есть только одна изъ вѣтвей науки объ обществѣ. Правда по особенностямъ своихъ задачъ, по своей обширности, важности для жизни и практическимъ соображеніямъ, вызываемымъ тѣмъ, что наука права является образовательнымъ средствомъ для приготовленія судей, прокуроровъ и адвокатовъ, она можетъ вполнѣ претендовать на самостоятельность относительно преподаванія. Но далѣе этого предѣла ея требованія идти не могутъ и государственныя науки, относительно юридическихъ, должны занимать не только равное, но даже первенствующее положеніе. Въ прежнее время наука о государствѣ могла быть разсматриваема, какъ система ученія, находящаяся въ тѣсной связи и зависимости отъ права, потому что на самое государство смотрѣли исключительно съ юридической или отвлеченно-философской точки зрѣнія. До позднѣйшаго времени публицисты ограничивали свою задачу изслѣдованіемъ общихъ вопросовъ о цѣли государства, о наилучшихъ формахъ его устройства, пытаясь установить эти формы съ точки зрѣнія чистаго разума и ни мало не обращая вниманія на тѣ реальныя основы государственной жизни, которыя скрываются въ разнообразныхъ элементахъ

и явленіяхъ человѣческаго общества. Первый толчокъ къ измѣненію отвлеченныхъ возрѣній на государство, хотя и въ отрицательномъ направленіи, былъ, какъ извѣстно, данъ соціалистами разныхъ оттѣнковъ; ихъ ученія заставили другихъ изслѣдователей, державшихся болѣе охранительныхъ началъ, задуматься надъ вопросомъ о томъ: не скрываются ли подъ внѣшними политическими формами другіе могущественные дѣятели, которые и создаютъ эти формы, неявляются ли эти послѣднія только результатомъ дѣйствія первыхъ. Предпринятые съ тѣхъ поръ почтенные труды Штейна, Моля, Риля и др., не смотря на свое видимое несходство въ пріемахъ и направленіи, несмотря на различіе политическихъ убѣжденій авторовъ, значительно однако подвинули впередъ дѣло новаго воззрѣнія на государство и его устройство. Работы этихъ писателей, конечно, то въ большей, то меньшей степени, проникнуты одинаково той общей идеей, что существенную причину государственныхъ формъ и явленій нужно искать въ свойствахъ и извѣстномъ расположеніи общественныхъ элементовъ. При этомъ главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на вліяніе и силу элемента экономическаго, можетъ быть потому, что дѣйствіе его осязательнѣе, доступнѣе для изслѣдованія. Но не надобно забывать участія и другихъ общественныхъ силъ: религіи, науки, искусства, воспитанія и т. п. Во всякомъ случаѣ отсюда неизбѣженъ выводъ, что наука о государствѣ составляетъ какъ бы одну изъ вѣтвей науки объ обществѣ и успѣхъ ея зависитъ отъ развитія и успѣха этой послѣдней, въ отношеніи къ которой она скорѣе можетъ занимать подчиненное положеніе, чѣмъ въ отношеніи науки права.—Если, такимъ образомъ, преподаваніе юридическихъ наукъ должно быть органи-

зовано въ видѣ особаго учрежденія, какъ части-ли цѣлаго, т. е. факультета университета, или составлять цѣль особой высшей школы, то и государственныя науки съ полнѣйшимъ основаніемъ могутъ претендовать на такое же положеніе.

Этотъ выводъ, основанный на внутренней сущности самой науки о государствѣ, еще болѣе подкрѣпляется соображеніями, вытекающими изъ потребностей жизни, изъ потребностей государственнаго управленія. Не рѣдко случается слышать мнѣніе, будто эти потребности никакимъ образомъ не должны служить стимуломъ, побуждающимъ принимать ту или другую систему распредѣленія предметовъ университетскаго преподаванія на группы; говорятъ, что практическія цѣли не должны оказывать никакого вліянія на организацію университетскихъ факультетовъ вообще и на раздѣленіе юридическихъ факультетовъ на отдѣлы въ особенности. Существованіе такого взгляда объясняется прекраснымъ желаніемъ лицъ, его высказывающихъ, охранить святость и достоинство науки, неприкосновенность ея высокихъ сферъ отъ подчиненія мелкимъ требованіямъ будничной жизни. Мы думаемъ, однако, что въ основѣ этого мнѣнія заключается нѣкоторое недоразумѣніе. Въ немъ кроется опасеніе, чтобы наука о правѣ и государствѣ, если при изложеніи ея будутъ имѣть въ виду практическія цѣли, не была низведена на низшую ступень такъ называемыхъ прикладныхъ знаній. Дѣйствительно эти послѣднія не могутъ быть подведены подъ понятіе истинной науки. Задача всякой науки состоитъ въ раскрытіи и познаніи законовъ, управляющихъ міровыми явленіями, къ какому бы порядку эти явленія не принадлежали: къ міру физическому, отдѣльному человѣку или обществу. Знанія, имѣющія цѣлью изслѣдованіе са-

мостоятельныхъ законовъ, которымъ подчиняются жизненныя явленія, должны быть названы наукой въ истинномъ значеніи этого слова, чистой наукой. Но есть знанія другого рода, которыя не заключаются въ изслѣдованіи самостоятельныхъ законовъ явленій, а имѣютъ предметомъ только изученіе наилучшихъ способовъ прилагать законы, раскрытые чистой наукой, къ нуждамъ дѣйствительной жизни. Эти знанія имѣютъ въ виду добыть извѣстные практическіе результаты, принести непосредственную пользу насущнымъ потребностямъ дѣйствительности, однимъ словомъ они носятъ утилитарный характеръ. Ихъ принято называть прикладными науками. Сельское хозяйство, технологія инженерное искусство, наука торговли и тому подобныя отрасли знаній, преслѣдующія практическія цѣли, относятся къ разряду прикладныхъ наукъ. Никому, разумѣется, не придетъ въ голову отрицать великія услуги, которыя оказали и оказываютъ прикладныя науки прогрессу общества; тѣмъ не менѣе ихъ роль и положеніе въ отношеніи къ чистой наукѣ второстепенная. Но для науки о человѣческомъ обществѣ не предстоитъ никакой опасности быть низведенной на степень прикладнаго знанія. Она принадлежитъ несомнѣнно къ числу основныхъ наукъ; ея задача заключается, подобно естествознанію и наукѣ о человѣкѣ, въ раскрытіи и изслѣдованіи тѣхъ самостоятельныхъ законовъ, которыми управляется общественная жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и формахъ. Не смотря, однако, на свое высокое значеніе чистаго знанія, общественныя науки отличаются, по своему основному характеру, отъ наукъ, изслѣдующихъ природу и человѣка, отличаются именно тѣмъ, что, раскрывая законы общественной жизни, онѣ предназначены тѣмъ самымъ служить непосредственно улучшенію и

дальнѣйшему свободному развитію этой жизни; это науки, по преимуществу, жизненныя и живыя; ихъ неразрывная связь съ жизнью осязательнѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли человѣческаго знанія. Прикладныя науки, какъ технологія, сельское хозяйство и др. служатъ посредствующимъ звеномъ, соединяющимъ чистую науку съ жизнью и ея настоятельными нуждами; чрезъ нихъ идеи, выработанныя чистымъ знаніемъ, законы явленій, открытые этимъ знаніемъ, проводятся въ жизнь, онѣ учатъ, какъ пользоваться этими идеями и законами, чтобы получить напримѣръ въ большомъ количествѣ и лучшаго качества продукты, сельскаго хозяйства или мануфактурной промышленности. Такимъ образомъ въ этой области жизни, занятой удовлетвореніемъ матеріальныхъ нуждъ, для достиженія извѣстнаго практическаго результата нужна дѣятельность трехъ силъ: чистой науки, которая должна раскрывать законы извѣстнаго порядка явленій; прикладной науки, на обязанности которой лежитъ научить людей пользоваться этими законами для своихъ цѣлей и наконецъ дѣятельность самого предпринимателя (сельскаго хозяина, фабриканта и т. п.), который непосредственно прилагаетъ къ своему производству улучшенные способы, рекомендуемые современнымъ знаніемъ. Нѣсколько другое отношеніе мы встрѣчаемъ въ сферѣ управленія обществомъ и государствомъ. Здѣсь пока не выработалось прикладное знаніе, по крайней мѣрѣ не выработалось въ такихъ размѣрахъ, съ такимъ богатствомъ данныхъ, съ такимъ опредѣленнымъ расчетомъ на успѣхъ приложенія и съ той систематичностью, которая характеризуетъ прикладныя науки, относящіяся къ матеріальной жизни общества. Въ ряду государственныхъ наукъ, такъ называемую, политику приравниваютъ иногда къ прикладъ-

нымъ знаніямъ, называя ее болѣе искусствомъ, чѣмъ наукой въ сравненіи съ правомъ. Но пониманіе политики и ея отношеній къ государственному праву и его общепринимаемымъ составнымъ частямъ—государственному устройству и управленію, до такой степени не одинаково у разныхъ писателей, отличается подъ часъ такою сбивчивостью и неясностью, что до сихъ поръ нѣтъ возможности считать какое либо воззрѣніе на эту отрасль съѣдѣній положительно и навсегда установившимся. Можно, конечно, надѣяться, что въ области общественныхъ наукъ, когда онѣ достигнутъ бо́льшихъ успѣховъ, когда совершенно овладѣютъ тѣмъ методомъ изслѣдованія, который дастъ имъ возможность открывать вѣрнѣе и скорѣе законы движенія общественной жизни, можно надѣяться, что тогда изъ нихъ выдѣлится своя теорія искуства прилагать законы, открытые чистой наукой, къ дѣйствительности; и такимъ образомъ техники этого дѣла будутъ окончательно подготовлены изученіемъ этой теоріи, изученіемъ прикладныхъ государственныхъ наукъ. Конечно и тогда усвоеніе основныхъ началъ чистой науки будетъ составлять одно изъ существеннѣйшихъ условій образованія административныхъ дѣятелей; какъ агроному или технологу нужно знаніе ботаники и химіи, такъ чиновнику государственной службы необходимо изученіе государствовѣдѣнія въ смыслѣ чистой науки. Но послѣдней ступенью образованія, необходимаго для административныхъ чиновниковъ въ той или другой отрасли государственнаго управленія, будетъ тогда изученіе самыхъ пріемовъ управленія, лучшихъ способовъ дѣйствія, основанныхъ на приложеніи началъ, выработанныхъ чистой наукой. Современное состояніе науки о государствѣ таково, что изложеніе этихъ теоретическихъ пріемовъ управленія слито въ одну об-

щую массу съ свѣдѣніями основными, обнимающими законы, которымъ слѣдуетъ жизнь и дѣятельность государственнаго начала. Такимъ образомъ въ той сферѣ міровой жизни, къ которой относится государственное управленіе, достиженіе непосредственнаго практическаго результата дѣла обусловливается дѣйствіемъ только двухъ силъ: чистой науки и работой исполнителя правительственной мысли, чиновника, который обязанъ, если его работа хочетъ быть осмысленной, руководиться данными науки, получившими значеніе или безспорныхъ истинъ, аксіомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ высокой степени вѣроятныхъ предположеній, гипотезъ. Исполнитель, подобно предпринимателю въ сферѣ матеріальной жизни, дѣятельность котораго устремлена прямо на предметы производства, имѣетъ дѣло съ самымъ объектомъ управленія, съ обществомъ. Разница въ ихъ положеніи та, что агентъ государства черпаетъ свои знанія прямо изъ главнаго источника чистой науки, между тѣмъ какъ предприниматель въ хозяйственной области руководится тѣми данными, которыя ему предлагаютъ достаточно развитыя уже прикладныя науки. Этимъ различіемъ въ характерѣ дѣятельности исполнителей въ той и другой области обусловливается различная постановка академическаго преподаванія наукъ естественныхъ и наукъ общественныхъ. Физіологіи, Химіи, Зоологіи, Ботаникѣ нѣтъ никакого дѣла до практическихъ цѣлей, которыя при пособіи законовъ, отысканныхъ ими, могутъ быть достигнуты сельскимъ хозяйствомъ, мануфактурной промышленностью, ремеслами и т. п. При изложеніи этихъ наукъ имѣется въ виду исключительно одно знаніе; оно есть само себѣ цѣль; здѣсь нѣтъ надобности соображаться, организуя различныя группы преподаванія, съ практическими нуждами хозяйственной

жизни человѣка и народа. Для этого существуютъ другія отрасли знанія, преподаваемыя въ особыхъ учебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ именно для практическихъ цѣлей хозяйственной жизни. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ относительно общественныхъ наукъ: прикладныя общественныя науки еще не создались; масса, можетъ быть и довольно многочисленныхъ, указаній и правилъ, относительно наилучшихъ способовъ дѣйствія въ той или другой вѣтви администраціи, еще не выдѣлилась изъ системъ основныхъ наукъ; потому не можетъ быть высшихъ школъ, въ которыхъ бы преподавалось искусство управленія. То обстоятельство, что практическіе дѣятели на поприщѣ государственнаго управленія должны непосредственно черпать всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія изъ источника чистой науки, ведетъ къ тому, что при организаціи преподаванія приходится обращать вниманіе на потребности практическаго государственнаго управленія; покрайней мѣрѣ позволительно на столько заботиться объ удовлетвореніи этихъ потребностей, на сколько это не искажаетъ истиннаго характера и не вредитъ единству наукъ, о преподаваніи которыхъ идетъ рѣчь. Государственное управленіе образованной страны нуждается въ чиновникахъ, получившихъ солидное политическое и административное образованіе. По счастію эта потребность практической жизни не только не противорѣчитъ, но совершенно отвѣчаетъ необходимости самостоятельной организаціи преподаванія государственныхъ наукъ, вытекающей изъ ихъ сущности.

Конечно здѣсь можно было бы утверждать, что будущіе юристы и администраторы могутъ и должны изучать одинаково всѣ тѣ отрасли общественныхъ на-

укъ, которыя обнимаютъ (подъ именемъ юридическихъ и политическихъ наукъ) собственно право и государство. Но противъ такого соединенія массы разнообразныхъ, хотя и принадлежащихъ къ одному циклу знаній, возстаетъ ограниченность силъ отдѣльнаго человѣка. Положимъ, что въ настоящее время примѣръ тѣхъ юридическихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ, которые не дѣлятся на отдѣленіе собственно юридическихъ и отдѣленіе административныхъ или государственныхъ наукъ, какъ бы опровергаетъ это предположеніе о невозможности одному человѣку одинаково изучить всѣ отрасли науки о правѣ и государствѣ; но такое опроверженіе только видимое. Обыкновенно слушатели занимаются или по преимуществу юридическими или по преимуществу политическими науками; оттого одна изъ вѣтвей науки остается въ пренебреженіи и цѣль соединенія этихъ знаній въ одну группу, т. е. равное усвоеніе ихъ учащимися, не достигается. Такъ какъ преподаваніе юридическихъ и государственныхъ наукъ вмѣстѣ требуетъ большаго количества учебныхъ часовъ, то естественно, что приходится или слишкомъ обременять студентовъ или сокращать по нѣкоторымъ предметамъ курсы, явнымъ образомъ въ ущербъ полнотѣ и многосторонности изложенія.

При этомъ не мѣшаетъ обратить вниманіе также и на то, что если не одобрить отдѣленіе преподаванія юридическихъ и государственныхъ наукъ другъ отъ друга, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ одной области знанія, то почему же не ввести въ юридическіе факультеты и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, относящихся къ соціологіи, напр. исторіи, исторіи литературы? Далѣе такъ какъ общество слагается изъ отдѣльныхъ личностей, то наука о человѣкѣ должна служить основой обществен-

ныхъ наукъ; на этомъ основаніи слушателямъ юридическихъ факультетовъ необходимо знакомство съ антропологіей, логикой и психологіей. Дѣйствительно надо признать, что всѣ эти предметы вѣдѣнія были-бы вполнѣ полезны для изучающихъ общественныя науки въ той или другой ихъ отрасли; но къ сожалѣнію условія времени и ограниченность силъ лица недопускаютъ подобнаго расширенія круга высшаго профессіональнаго образованія гражданъ. Знаніе въ новое время обнаруживаетъ стремленіе все къ большему и большему развѣтвленію и спеціализаціи, такъ что это спеціализированіе отдѣльныхъ отраслей его грозитъ привести къ неутѣшительному результату: преобладанію спеціальнаго образованія въ ущербъ общему; можно опасаться, что современемъ общество будетъ имѣть огромное количество превосходно образованныхъ спеціалистовъ, уровень общаго образованія которыхъ будетъ однако весьма незначительнымъ. Но такое опасеніе не имѣетъ мѣста въ виду другаго стремленія, которое очевидно начинаетъ проникать современную науку. Это совершенно противоположная первому наклонность къ соединенію выводовъ, представляемыхъ отдѣльными отраслями знанія, къ подведенію результатовъ, ими добытыхъ, подъ одно общее начало, къ слитію существенныхъ основаній всѣхъ наукъ въ одно стройное цѣлое, въ одну систему. Знакомство въ главныхъ чертахъ съ этой системой должно составлять необходимый предметъ образованія для всѣхъ готовящихъ себя къ высшимъ профессіямъ общественой жизни. Основныя начала естествовѣдѣнія и общественныхъ наукъ не должны быть чужды всѣмъ спеціально образованнымъ людямъ, къ какой бы спеціальности они не принадлежали. Но сообщеніе этихъ началъ не можетъ быть включено въ курсъ вы-

сшихъ учебныхъ заведеній (университетовъ и высшихъ спеціальныхъ школъ), какъ по недостатку времени для такого расширенія курса, такъ, главнымъ образомъ, потому что это противорѣчило бы цѣли и назначенію высшихъ профессіональныхъ училищъ. Высшія школы, будутъ ли это спеціальныя учрежденія или университеты, ничто иное, какъ органы высшаго профессіональнаго образованія (Berufsbildung); ихъ задача въ томъ, чтобы людей, получившихъ необходимое общее образованіе и уже сознавшихъ свои наклонности и способности, готовить къ одному изъ тѣхъ гражданскихъ призваній, которыя могутъ быть названы высшими: къ призванію ученого, педагога, чиновника, судьи, врача, сельскаго хозяина, технолога, инженера и т. п. Но съ другой стороны такъ называемыя среднія учебныя заведенія (гимназіи), въ качествѣ подготовительныхъ училищъ профессіональнаго образованія, едвали въ состояніи совмѣстить въ своемъ курсѣ, безъ ущерба своимъ особымъ цѣлямъ, такое значительное количество учебныхъ предметовъ, которое необходимо для полноты общаго образованія. Потому остается желать, чтобы возникли особые курсы, занимающіе средину между подготовительными училищами и высшими профессіональными учебными заведеніями, такіе курсы, въ которыхъ будущіе спеціалисты, по окончаніи подготовительнаго образованія въ гимназіяхъ, знакомились съ основными началами тѣхъ знаній, которыя необходимы для всякаго образованнаго человѣка. Но будутъ или нѣтъ существовать подобныя школы для пріобрѣтенія общаго образованія, во всякомъ случаѣ университеты и высшія спеціальныя училища не могутъ измѣнить своей задачѣ—готовить людей къ различнымъ призваніямъ общественной жизни. Признавать такое назначеніе за университетами и

другими высшими училищами еще вовсе не значитъ унижать достоинство науки, низводить ее на степень простой прислужницы извѣстныхъ практическихъ цѣлей. Знанія, необходимыя для выполненія высшихъ общественныхъ призваній, обыкновенно совпадаютъ съ тѣми логическими обоснованными подраздѣленіями науки, которыя вытекаютъ необходимо изъ самаго существа ея. Каждому жизненному призванію (ученаго, врача, юриста, административнаго дѣятеля) отвѣчаетъ извѣстная группа наукъ, составляющая одно изъ естественныхъ подраздѣленій знанія вообще. Такимъ образомъ стремленіе науки самой по себѣ образовать изъ себя отдѣльныя группы согласуется со стремленіями общества имѣть спеціалистовъ для выполненія различныхъ гражданскихъ задачъ. И въ этомъ именно смыслѣ высшія училища не могутъ и не должны игнорировать потребностей дѣйствительной жизни. Если извѣстная отрасль знанія на столько сформировалась и окрѣпла, что пора ей выдѣлиться въ особую систему преподаванія, то разумныя требованія дѣйствительной жизни могутъ служить только усиливающимъ и поддерживающимъ доводомъ въ пользу этого выдѣленія. Хаотическое смѣшеніе разнородныхъ предметовъ преподаванія, какое встрѣчается иногда въ высшихъ училищахъ, напримѣръ въ отдѣленіяхъ камеральныхъ наукъ юридическихъ факультетовъ, существовавшихъ недавно у насъ, объясняется единственно неправильнымъ пониманіемъ того, что называется общественнымъ призваніемъ и желаніемъ сдѣлать одного и того же человѣка годнымъ для многихъ профессій. Такъ въ будущемъ административномъ чиновникѣ желали имѣть на всякій случай и технолога и агронома, и спеціалиста по лѣсному дѣлу, и т. п. Создавать такую странную смѣсь изъ наукъ, не связанныхъ

между собою единствомъ основной идеи, значитъ гнуть науку въ угоду нерацiональнымъ практическимъ соображенiямъ. Профессiи юриста и административнаго дѣятеля существеннымъ образомъ отличаются другъ отъ друга по самому предмету дѣятельности; потому и образованiе юристовъ и администраторовъ должно быть отдѣльное, хотя между ними, конечно, есть свои точки соприкосновенiя; такъ юристу нельзя совершенно обойтись безъ знанiя государственныхъ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и администратору необходимо имѣть основныя понятiя изъ области наукъ юридическихъ. И такъ существенныя свойства самой науки о государствѣ и разумно-понимаемыя потребности дѣйствительности одинаково заставляютъ настаивать на самостоятельной организацiи политическаго и административнаго образованiя. Затѣмъ есть еще одинъ не маловажный поводъ желать такой организацiи, основывающiйся на свойствахъ современнаго строя политической жизни.

Безъ всякаго сомнѣнiя знакомство съ наукой о государствѣ важно не только для однихъ чиновниковъ государственной службы. Политическое образованiе и развитiе, въ особенности въ наше время, составляютъ великое условiе прогрессивнаго роста общества. Люди всевозможныхъ призванiй нуждаются въ этомъ развитiи. Конституцiонныя формы и начала самоуправленiя, все болѣе и болѣе проникающiя государственную жизнь западной Европы, заставляютъ значительное число гражданъ, безъ различiя профессiй, принимать дѣятельное участiе въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ, въ косвенной ли формѣ выборовъ или въ видѣ прямого и непосредственнаго участiя въ законодательствѣ и управленiи государствомъ. Всякiй гражданинъ современнаго государства можетъ быть призванъ къ дѣятельности

политической и административной Потому весьма желательно, чтобы знаніе хотя существенныхъ основаній науки о государствѣ не было чуждо, по крайней мѣрѣ, интеллигентнымъ классамъ общества. Хотя и существуетъ мнѣніе, что политическому дѣятелю нужно не столько знаніе, сколько твердое убѣжденіе, но убѣжденія должны основываться на извѣстномъ пониманіи фактовъ, а такое или другое пониманіе воспитывается опять таки знаніемъ. На плечахъ нашего времени лежитъ такое множество сложныхъ, щекотливыхъ и потому трудно разрѣшимыхъ соціальныхъ вопросовъ, что сколько нибудь плодотворное участіе въ дѣлѣ законодательства и управленія не мыслимо безъ развитаго знаніемъ политическаго взгляда. Даже слѣдуетъ сказать, что не одни государственные люди и администраторы нуждаются въ знакомствѣ съ основными началами государствовѣдѣнія, политической экономіи и т. п. наукъ изъ сферы общественныхъ: трудно найти какое либо общественное призваніе, при исполненіи котораго нельзя бы было натолкнуться на тотъ или другой изъ трудныхъ общественныхъ вопросовъ. Въ этихъ видахъ предположеніе о возможности особыхъ училищъ для общаго образованія въ качествѣ переходной ступени отъ гимназіи къ высшимъ профессіональнымъ школамъ, получаетъ особое значеніе. Но факультеты государственныхъ наукъ въ этомъ отношеніи также могутъ оказать значительную услугу. Люди зрѣлаго возраста, призванные или имѣющіе надежду быть призванными къ политической или административной дѣятельности, могутъ предварительно или одновременно съ этимъ посвятить нѣкоторое время изученію тѣхъ частей государствовѣдѣнія, которыя имѣютъ особую цѣну для ихъ будущей дѣятельности. Между тѣмъ вполнѣ основательное академическое изложеніе

отдѣловъ науки возможно только при ея спеціализированіи въ преподаваніи. Если же государственныя науки будутъ преподаваемы въ неразрывной связи съ юридическими, то по неволѣ придется принимать въ соображеніе слушателей-юристовъ и сжимать курсы какъ по недостатку времени, такъ и въ тѣхъ видахъ, что для юристовъ подробности и не нужны и обременительны. Вотъ тѣ главныя основанія, которыя могутъ быть приведены въ пользу самостоятельной организаціи преподаванія науки о государствѣ. Посмотримъ каково дѣйствительное положеніе, въ которомъ находится это преподаваніе въ Германіи, Франціи и Россіи.

II.

Не смотря на громко говорящую потребность въ организаціи самостоятельнаго преподаванія государственныхъ наукъ, большинство собственно германскихъ университетовъ до сихъ поръ не удовлетворяетъ ей. Въ нѣмецкихъ университетахъ, за исключеніемъ немногихъ, не только не существуетъ отдѣльнаго факультета государственныхъ наукъ, но и въ юридическихъ факультетахъ преобладаютъ чисто юридическія науки на счетъ политическихъ. Причина этаго явленія кроется въ тѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали возрожденіе науки на западѣ Европы вообще и возникновеніе университетовъ, какъ главныхъ средоточій высшаго знанія.

XII столѣтіе дало начало, какъ извѣстно, двумъ старѣйшимъ университетамъ въ Европѣ: парижскому и болоньскому. Эти первоначальныя высшія школы возникли въ силу естественнаго требованія самой жизни. Возрождавшееся знаніе требовало людей способныхъ и свѣдущихъ въ тѣхъ еще немногочисленныхъ своихъ отросляхъ

которыя обозначились уже въ то время, однимъ словомъ требовало учителей. Въ XII вѣкѣ нѣсколько такихъ знаменитыхъ по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ преподавателей собрались въ двухъ городахъ—Парижѣ и Болоньѣ, которые, благодаря этому, надолго стали средоточіемъ научной жизни. Около учителей образовался кругъ учениковъ. И эти-то корпораціи учителей и учениковъ получили названіе Universitas. Первоначальное значеніе слова университетъ съ теченіемъ времени измѣнилось и уступило мѣсто другому, по которому университетъ является корпоративнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ своей задачей передачу желающимъ тѣхъ тѣхъ высшихъ знаній, которыя составляютъ чистую науку. Въ эпоху происхожденія первыхъ университетовъ наука, конечно, не могла представлять такихъ многочисленныхъ развѣтвленій, какъ въ позднѣйшія времена. Теологія, философія и право сосредоточивали въ себѣ всю массу доступныхъ изученію человѣка предметовъ. Всѣ эти знанія въ первое время не обособлялись въ отдѣльныя группы; университеты не дѣлились какъ впослѣдствіи на факультеты; если и существовало дѣленіе высшихъ школъ того времени, то оно основывалось на принадлежности изучающихъ къ той или другой національности. Такъ въ Болоньи было двѣ Universitates–ультрамонтановъ и цисмонтановъ. Внутри каждой изъ нихъ студенты распредѣлялись понаціональнымъ группамъ, къ которымъ принадлежали, по землячествамъ (Landsmannschaft). Профессоры и студенты парижскаго университета, съ самаго начала его существованія, распадались на четыре національности: французскую или галликанскую, пикардійскую, норманскую и англонѣмецкую. Каждая изъ нихъ имѣла свою организацію, свое хозяйственное управленіе, даже своихъ патроновъ святыхъ. Первымъ поводомъ къ образованію фа-

культетовъ были не требованія научныя, а совершенно случайныя обстоятельства. Въ Парижѣ возникъ споръ между различными монашескими орденами съ одной стороны и университетомъ съ другой. Монахи имѣли значительный успѣхъ въ преподаваніи и оказывали чувствительное вліяніе на университетскія дѣла. И то и другое не могло быть особенно пріятно свѣтскимъ преподавателямъ. Неоднократно возобновлявшаяся ожесточенная борьба этихъ послѣднихъ съ монашествующими учителями закончилась во второй половинѣ XII-го столѣтія, сдѣлкой, въ силу которой теологи-монахи, въ качествѣ особой корпораціи, примыкали къ университету. Такимъ образомъ на ряду съ четырьмя прежде существовавшими подраздѣленіями парижскаго университета, въ видѣ націй, возникло пятое въ видѣ богословскаго факультета. Мысль организоваться преподавателямъ одной и той же сферы знаній до нѣкоторой степени особо отъ другихъ была такъ естественна, что случайно возникшее отдѣленіе теологическаго факультета, скоро нашло себѣ подражаніе въ созданіи медицинскаго факультета и факультета для изученія каноническаго права. Изъ возникшихъ въ XIV ст. германскихъ университетовъ дѣленіе на факультеты въ 1-й разъ встрѣчается въ эрфуртскомъ университетѣ. Въ составъ факультета входили только дѣйствительные доктора. Лица же, не пріобрѣтшія пока этого ученаго званія, въ ожиданіи его полученія, причислялись къ національностямъ. Но такъ какъ всѣ національности одинаково имѣли своей задачей изученіе такъ называемыхъ свободныхъ искусствъ, то онѣ и составляли, въ противоположность теологамъ, какъ-бы особый факультетъ; въ самомъ дѣлѣ скоро начинаютъ называть корпораціи націй facultas artium (позднѣйшій философскій факультетъ). Въ

Падуѣ въ 1360 г. уже существуютъ двѣ корпораціи: universitas juristarum и universitas artistarum. Не смотря однако на это первоначальное безразличное соединеніе преподаванія всѣхъ извѣстныхъ тогда наукъ, въ высшихъ школахъ Парижа и Болоньи не всѣ знанія стояли на одинаковой высотѣ въ обоихъ университетахъ. Такъ въ Парижѣ достигло высокаго развитія Богословіе и потомъ философія, между тѣмъ какъ право создало себѣ блестящее положеніе въ Болоньѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, началось изученіе римскаго права, здѣсь въ первые въ новой Европѣ оно становится наукой и въ теченіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ составляетъ исключительный матеріалъ, которымъ ограничивается тогдашняя наука о человѣческомъ обществѣ. Эта послѣдняя и наука о государствѣ сливаются съ юриспруденціей. Иначе и быть не могло: право было единственной свѣтской наукой, не закованной въ оковы теологическаго преданія. Другая самостоятельная отрасль знаній того времени, философія была насквозь пропитана теологическими началами и шла по пятамъ за религіознымъ ученіемъ. А такъ какъ воззрѣнія на государство составляли часть общаго философскаго міросозерцанія, то понятно, что съ одной стороны эти воззрѣнія не имѣли твердой почвы, а съ другой должны были являться предметомъ изученія, неразрывно связаннымъ съ тѣмъ цикломъ знаній, который входитъ въ составъ позднѣйшаго философскаго факультета. Особыя мѣстныя условія, среди которыхъ находилась Болонья, сдѣлали этотъ городъ пунктомъ, въ которомъ впервые возникла и окрѣпла наука права. Близость Болоньи къ Равеннѣ, гдѣ сохранились копіи съ юстиніановыхъ книгъ, дала возможность заимствовать оттуда нѣкоторые изъ этихъ снимковъ, которые сдѣлались предметомъ тщательнаго изученія глоссаторовъ.

Это изученіе, по всей вѣроятности, обязано своимъ началомъ столько же пытливости ума и жаждѣ знанія отдѣльныхъ личностей, каковъ былъ Ирнерій, сколько насущнымъ потребностямъ дѣйствительности. Населенность и богатство ломбардскихъ городовъ, ихъ торговля, дѣятельность и вслѣдствіе ея разнообразіе сдѣлокъ, рождали настоятельную нужду въ правѣ болѣе точномъ и совершенномъ, чѣмъ обычаи и законы только-что начинавшихъ историческую жизнь германскихъ племенъ. Богатства римскаго права были готовы къ услугамъ итальянскихъ городовъ; нужно лишь было, чтобы наука взялась освѣтить или, покрайней мѣрѣ, истолковать эту массу юридическихъ положеній, доставшуюся новому міру въ наслѣдство отъ классической древности. Такимъ образомъ совершенно естественно объясняется, что первыя юридическія училища должны были посвятить всю свою дѣятельность единственно праву. Но со второй половины XV в. средневѣковая теократическая философія явно начинаетъ терять свое прежнее положеніе. Классицизмъ и реформація наносятъ ей рѣшительный ударъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ философіи, опирающейся не на церковный авторитетъ, а на человѣческій разумъ, возникла и новая наука о государствѣ, стремящаяся понять эту форму человѣческаго общежитія, какъ нѣчто самостоятельное, независимое отъ посторонняго авторитета, объяснить государство, какъ неизбѣжное требованіе человѣческой природы. Съ тѣхъ поръ государство стало предметомъ многосторонняго изслѣдованія, было изучаемо съ различныхъ точекъ зрѣнія, ученіе о немъ излагалось или въ связи съ общими философскими системами, или въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ. Въ теченіи своего многовѣковаго существованія наука о государствѣ успѣла значительно развѣтвиться; дѣятельность го-

сударственнаго начала стала такъ многосложна, ея примѣненія такъ разнообразны, что государствовѣдѣніе неизбѣжно должно было подраздѣлиться на значительное число наукъ. Вмѣстѣ съ этимъ и науки, находящіяся въ тѣсной связи съ государственными, служащія очень часто необходимымъ и прочнымъ фундаментомъ при теоретическомъ изслѣдованіи и практическихъ преобразованіяхъ государственной жизни, какъ напр. статистика, наука о народномъ хозяйствѣ, достигли въ новѣйшее время высокой степени развитія. Не смотря однако на всѣ измѣнившіяся условія, большинство германскихъ университетовъ остается до сихъ поръ вѣрнымъ историческимъ преданіямъ, которыя объясняются условіями, сопровождавшими происхожденіе высшихъ училищъ и въ первыя времена существованія науки въ Европѣ. До сихъ поръ въ нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ, за немногими исключеніями, преобладаютъ чисто юридическія науки, въ особенности римское право, между тѣмъ какъ политическая экономія, различныя отрасли государствовѣдѣнія, напримѣръ финансовая наука, такъ называемое полицейское право, политика отнесены къ философскому факультету. Уже такая разбросанность однородныхъ частей знанія не можетъ считаться полезною для успѣховъ цѣлой науки, но вредныя послѣдствія ея еще болѣе усиливаются тѣмъ, что въ средѣ юридическихъ факультетовъ на государственныя науки, которыя въ той или другой своей отрасли тамъ преподаются, обращается слишкомъ мало вниманія: юриспруденція можно сказать поглощаетъ государствовѣдѣніе. Научная обработка вопросовъ, касающихся государственной жизни, до новѣйшаго времени совершалась подъ вліяніемъ права, большею частію съ точки зрѣнія права и представляла собой какъ-бы одну изъ задачъ, и

притомъ не главныхъ, юриспруденціи. Даже тѣ отрасли государственныхъ наукъ, которыя, по общепринятому названію и по обычной классификаціи, относятъ обыкновенно къ числу юридическихъ знаній, какъ напримѣръ государственное право, по слогамъ самихъ нѣмецкихъ ученыхъ, не пользуются той ролью въ системѣ юридическаго образованія, которая должна имъ принадлежать по ихъ важности для юриста (*). Односторонность собственно юридическаго образованія возбуждала уже не разъ жалобы со стороны самихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Частное право, институціи, исторія римскаго права, пандекты поглощаютъ почти все время штудирующихъ; и въ исторіи права обращается преимущественное вниманіе на источники гражданскаго права. Требуя реформы юридическаго образованія въ университетахъ, одинъ нѣмецкій писатель говоритъ: «мы должны приготовлять не политиковъ, но однако и не пандектистовъ, но юристовъ, которые были бы достойны этого имени. Чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе, главное вниманіе должно быть обращено на изученіе государственнаго права. Каждый, избирающій юриспруденцію, своимъ призваніемъ, долженъ впередъ знать, что онъ обязанъ изучить какъ частное право, такъ и право, относящееся къ великимъ общественнымъ союзамъ людей, и въ особенности государственное.» — Далѣе тотъ же авторъ предлагаетъ солидное изученіе политической экономіи и высказываетъ неудовольствіе на то, что преподаваніе исторіи германскаго права часто соединяется съ частнымъ германскимъ правомъ, допуская это соединеніе лишь въ томъ случаѣ, когда соглашаются подъ исторіей права понимать только изложеніе исторіи развитія

(*) Zeitschr f. Deutsch Staatsr. 1 H. Aegidi, s. 104 u. fg.

институтовъ частнаго права; но такое пониманіе слишкомъ узко: исторія публичнаго права также не должна быть отѣсняема на задній планъ, и если это такъ, то преподаваніе ея должно составлять задачу публициста. Быстрое и сильное развитіе экономической жизни въ новѣйшее время дѣлаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ видныхъ представителей германской науки, неизбѣжной реформу самаго юридическаго образованія. Экономическія условія жизни отражаются несомнѣнно на юридическихъ отношеніяхъ и вслѣдствіе этого должны оказывать вліяніе на науку права. Въ настоящее время все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право гражданства мысль, что основою какъ политическаго, такъ и юридическаго быта и строя народной жизни служатъ разные общественные элементы и явленія, между которыми видное мѣсто занимаютъ явленія экономическія. Въ области самой науки права, въ тѣсномъ смыслѣ слова, встрѣчаются попытки, хотя немногочисленныя, создать новое научное направленіе. Смыслъ этого движенія, нашедшаго себѣ выраженіе въ трудахъ Іеринга, Дапокварта, Арнольда и Кунтце, заключается въ такомъ пониманіи права, по которому нормы положительнаго права не признаются чѣмъ либо абсолютнымъ, имѣющимъ въ самомъ себѣ причину и основаніе своего существованія, а коренятся въ явленіяхъ другаго порядка, которыя и служатъ имъ необходимой основой. Такимъ образомъ причину бытія юридическихъ опредѣленій приходится искать не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ. Эти явленія, составляющія причину бытія юридическихъ положеній, различные писатели понимаютъ неодинакого; сущность дѣла однако заключается въ томъ, что наука права, чтобы заслуженно пользоваться этимъ именемъ, должна имѣть дѣло не только съ одними голыми юридическими фактами и опредѣле-

ніями, а вмѣстѣ и съ тѣми основными жизненными явленіями, которыя даютъ имъ начало. Какихъ бы пріемовъ и способовъ изученія не держался писатель и преподаватель—юристъ, если только дѣятельность его ума ограничивается изученіемъ однихъ нормъ положительнаго права, если онъ въ нихъ только видитъ, такъ сказать, и начало и конецъ ихъ существованія, то продукты его дѣятельности, по современному взгляду, едва-ли могутъ имѣть притязаніе на высокое научное достоинство и значеніе. Въ этомъ отношеніи приложеніе историческаго метода, пріема сравнительнаго изученія, наблюденія надъ практическимъ примѣненіемъ закона, не смотря на безспорную полезность, все-таки могутъ подлежать обвиненію въ узкости и недостаточной научности. Всѣ эти пріемы могутъ считаться плодотворными только тогда, когда они прилагаются не исключительно къ юридическимъ понятіямъ и опредѣленіямъ, а и къ изслѣдованію сущности тѣхъ болѣе широкихъ и общихъ явленій, изъ которыхъ рождаются первыя. Но эти основныя явленія, составляющія почву права, вытекаютъ изъ общественной жизни людей и ея разнообразныхъ условій. Общественныя отношенія, основывающіяся на потребностяхъ человѣческой природы и отношеніяхъ человѣка къ внѣшнему міру, имѣютъ дѣйствительно самостоятельное и независимое существованіе. Среди нихъ въ настоящее время обращаетъ на себя усиленное вниманіе сфера экономической дѣятельности человѣка. Современная наука права должна поставить себѣ цѣлью изслѣдовать, какимъ образомъ основныя явленія экономической и вообще соціальной жизни творятъ право. Отсюда понятно, какъ важно для ученаго знакомство съ общественными науками и въ особенности съ наукой народнаго хозяйства.

Не менѣе важно оно и для юриста-практика: разумное примѣненіе закона основано на его глубокомъ и всестороннемъ пониманіи, а такое пониманіе обусловливается, конечно, прочнымъ знаніемъ тѣхъ явленій, которыя служатъ основой юридическихъ положеній. Вотъ изъ какихъ соображеній вытекаютъ раздающіяся нынѣ все чаще и чаще требованія реформы юридическаго образованія въ германскихъ университетахъ. Всѣ они въ сущности сводятся къ заявленію необходимости расширить кругъ преподаваемыхъ нынѣ предметовъ введеніемъ политической экономіи, нѣкоторыхъ частей государствовѣдѣнія и усилить тѣ преподаваемыя въ юридическихъ факультетахъ науки, которыя имѣютъ отношеніе къ государству, напр. государственное право. Нельзя, конечно отрицать законность этихъ желаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что подробное изложеніе наукъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было бы обременительно для слушателей юридическихъ факультетовъ, слишкомъ расширивъ кругъ занятій въ ущербъ ихъ собственной спеціальности. Чтобы выйти изъ этой дилеммы остается желать введенія преподаванія государственныхъ и общественныхъ наукъ въ ограниченныхъ размѣрахъ для юристовъ и сформированія изъ этихъ наукъ въ полномъ ихъ объемѣ самостоятельнаго учебнаго организма. Дѣйствительно стремленія къ повышенію уровня преподаванія государственныхъ наукъ не исчерпываются одними этими заявленіями въ пользу усиленія ихъ значенія въ теперешнихъ университетахъ Германіи; возникаютъ, какъ мы уже говорили, требованія въ смыслѣ ихъ отдѣленія отъ правовѣдѣнія, въ собственномъ значеніи этого слова и сгруппированія ихъ въ особый учебный институтъ. Настоящее положеніе университетовъ въ германіи такова, что неудовлетворяетъ ни первому, ни второму изъ

желаній, заявляемыхъ нѣкоторыми публицистами. Огромное большинство этихъ университетовъ не имѣетъ въ своемъ составѣ самостоятельныхъ учрежденій для преподаванія государственныхъ наукъ; въ юридическихъ факультетахъ многія изъ этихъ наукъ не преподаются вовсе и отнесены къ философскому факультету. Такъ къ числу предметовъ этого послѣдняго, не говоря уже о философіи права и государства, отнесены: хозяйственная политика, составляющая часть науки внутренняго государственнаго управленія (Фрейбургъ), наука о финансахъ и такъ называемое полицейское право, политическая экономія, статистика (во всѣхъ университетахъ), исторія государственнаго устройства (Геттингенъ). Изъ всѣхъ наукъ, относящихся къ государствовѣдѣнію, на юридическихъ факультетахъ читается только государственное право, такъ какъ за этой наукой признается преобладающій юридическій характеръ. Изрѣдка преподается на юридическихъ факультетахъ такъ называемое административное право (Мюнхенъ). Лабуле, (*), говоря о преимуществахъ системы, по которой организовано преподаваніе государственныхъ наукъ въ Вюртембергѣ, сравнительно съ прусской, замѣчаетъ, что въ Пруссіи (это относится одинаково и къ другимъ германскимъ странамъ, за исключеніемъ Баваріи), находили безполезнымъ основаніе административныхъ факультетовъ и довольствовались помѣщеніемъ административныхъ наукъ въ философскомъ факультетѣ, какъ дополненія юридическихъ знаній, требуемыхъ для будущихъ чиновниковъ. При этомъ забывали, что администрація наука новая, совершенно отличная отъ науки права и что она требуетъ особеннаго изученія. Что касается до

(*) Revue de législation et de jurisprudence J. XVIII, p. 556.

стремленія организовать отдѣльное преподаваніе государственныхъ наукъ, то оно нашло себѣ нѣкоторое удовлетвореніе только въ трехъ собственно германскихъ университетахъ: тюбингенскомъ, мюнхенскомъ и вюрцбургскомъ, гдѣ учреждены такъ называемые факультеты государственнаго хозяйства (staatswirthschaftliche Facultät). Эти факультеты представляютъ такую же смѣсь разнородныхъ предметовъ знанія, какую давали уничтоженныя нынѣ отдѣленія камеральныхъ наукъ при юридическихъ факультетахъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ университетовъ. Наши камеральныя отдѣленія дѣйствительно были простой копіей съ нѣмецкихъ факультетовъ государственнаго хозяйства. Одна и та же идея приготовленія на все способныхъ администраторовъ, которые были бы знатоками и сельскаго хозяйства и техническихъ производствъ, руководила при созданіи камеральныхъ факультетовъ какъ въ Германіи, такъ и у насъ. Вслѣдствіе этого и тамъ и здѣсь потребовалось на ряду съ различными частями науки о государствѣ включить въ число преподаваемыхъ наукъ разныя прикладныя знанія, каковы: сельское хозяйство съ его отраслями, технологія, горная наука и т. п., съ другой стороны эти послѣднія могли быть съ успѣхомъ слушаемы только при знакомствѣ съ основными естественными науками, какъ ботаника, зоологія, и т. д. Отсюда та поразительная смѣсь, гдѣ на ряду съ политической экономіей, политикой стоитъ, напримѣръ, техническая химія, при изложеніи которой обращено особое вниманіе на приготовленіе фармацевтическихъ препаратовъ, какъ въ вюрцбургскомъ университетѣ, или геогнозія съ ученіемъ объ окаменѣлостяхъ—въ мюнхенскомъ или, наконецъ, архитектура въ тюбингенскомъ университетѣ. Не смотря однако на очевидную неудовлетворительность та-

кой организаціи преподаванія государственныхъ наукъ, извѣстный нѣмецкій публицистъ Р. Моль (*), отрицая возможность давать образованіе въ факультетахъ государственныхъ наукъ техникамъ, все-таки настаиваетъ на введеніи технологіи и сельскаго хозяйства въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ этихъ факультетахъ. Такое требованіе со стороны Моля объясняется тѣмъ ошибочнымъ взглядомъ на призваніе административнаго дѣятеля, который многихъ заставлялъ желать, чтобы чиновники были вмѣстѣ и техниками и сельскими хозяевами. Но противъ мнѣнія Моля нужно замѣтить то, что едвали предлагаемая имъ мѣра достигаетъ цѣли и въ практическомъ отношеніи. Поверхностное знакомство съ технологіей и съ сельскимъ хозяйствомъ едвали будетъ въ состояніи предостеречь политика и администратора отъ возможныхъ ошибокъ и заблужденій, въ которыя они могутъ быть вовлечены въ случаѣ обсужденія государственныхъ мѣръ относительно промышленности, торговли и т. п. Будутъ ли они или не будутъ слушать практическіе курсы агрономіи и технологіи, совѣтъ и помощь спеціалистовъ техниковъ имъ необходимы (**). Изъ нѣмецкихъ университетовъ, находящихся внѣ Германской имперіи, швейцарскіе университеты, Цюриха и Берна, соединяютъ юридическія и государственныя науки въ одинъ факультетъ, который носитъ названіе факультета государственныхъ наукъ (staatswissenschaftliche), хотя чисто юридическія науки и здѣсь преобладаютъ.

Австрійскіе университеты имѣютъ особенные фа-

(*) Staatsr. Völkerr. u. Polit. B. III. 237 fg.

(**) Въ *тюбингенскомъ университетѣ* въ *лѣтній семестръ* 1872 г. преподавались слѣдующія науки на факультетѣ государ-

культеты юридическихъ и государственныхъ наукъ (Rechts u Staatswissenchaftliche). Распоряженіе министра народнаго просвѣщенія 20-го апрѣля 1855 года установляетъ порядокъ изученія студентами этого факультета наукъ для нихъ обязательныхъ. (Studien Ordnung). Въ силу этого постановленія студенты пятаго, шестого и седьмого семестровъ обязаны слушать такъ называемыя политическія науки. Къ числу ихъ принадлежатъ три предмета: политическая экономія, наука финансовъ и „ученіе о тѣхъ административныхъ задачахъ, которыя не относятся ни къ юстиціи, ни къ финансовому управленію“.... Тутъ очевидно имѣется въ виду наука внутренняго государственнаго управленія, какъ ее понимаетъ Штейнъ. При изложеніи этого ученія рекомендуется по возможности дѣлать указанія на австрійскіе

ственнаго хозяйства: 1) политическая экономія, законы о пошлинахъ и податяхъ германской имперіи, 2) сельское хозяйство, 2-я часть, и энциклопедія лѣсоводства, 3) общее и германское государственное право, 4) политика внутренняго управленія (полицейское право) и исторія народнаго хозяйства въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Практическія занятія по политической экономіи, 5) статистика и 6) архитектура. *Зимній семестръ 1872—1873 г.*: 1) экономическая политика, 2) финансы, 3) сельское хозяйство и упражненія въ таксаціи, 4) вюртембергское административное право, 5) вюртембергское государственное право, 6) общее государственное право, 7) соціальная статистика, 8) технологія и 9) ученіе о машинахъ.

Мюнхенскій университетъ. Лѣтній семестръ. 1) Геогнозія въ соединеніи съ ученіемъ объ окаменѣлостяхъ и въ примѣненіи къ горному и рудному дѣлу, 2) административное право, 3) политическая экономія, 4) анатомія и физіологія растеній; преподаваніе соединялось съ экскурсіями и микроскопическими занятіями; 4) система государственныхъ наукъ; 5) исторія культуры XVIII и XIX стол.; 6) энциклопедія лѣсоводства (вторая часть ея, именно относящаяся къ государственной наукѣ; 7) наука о финансахъ, въ особенности имперское и баварское финансовое хозяйство; 8) хозяйственная политика и 9) практическія работы по статистикѣ.— *Зимній семестръ* 1872—73 г. 1) геогнозія и ученіе объ окаменѣлостяхъ въ примѣненіи къ горному и рудному дѣлу; 2) общее

отношенія, учрежденія и законы (*). Такимъ образомъ въ австрійскихъ университетахъ по видимому не пренебрегается изученіе государственныхъ наукъ и онѣ, вмѣстѣ съ чисто юридическими, включены въ систему преподаванія юридическихъ факультетовъ, которые въ силу этого и называются факультетами юридическихъ и государственныхъ наукъ. Но было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе о равноправномъ положеніи въ австрійскихъ университетахъ государственныхъ наукъ съ юридическими. Въ дѣйствительности, какъ сознаются и сами Австрійцы (**), политико юридическіе факультеты ихъ имѣютъ значеніе высшихъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ главнымъ образомъ для изученія частнаго права съ его различными подраздѣленіями. Институціи римскаго права, пандекты въ громадныхъ дозахъ, общее германское частное право, австрійское гражданское право, торговое и вексельное право поглощаютъ около половины учебныхъ часовъ въ недѣлѣ изъ того minimum'а ихъ, который австрійскій

ученіе о рудномъ дѣлѣ; 3) наука финансовъ; 4) экономическая политика; 4) естественно-историческія основанія происхожденія растеній; 5) ученіе о гражданскомъ обществѣ и исторія соціальныхъ теорій; 5) исторія культуры въ средневѣковой Германіи; 6) энциклопедія лѣсоводства; 7) лѣсное право и лѣсная полиція по баварскимъ законамъ; 8) статистика, въ особенности статистика народонаселенія и нравственности; 9) техническая статистика и статистическія упражненія. Въ настоящій *зимній семестръ* 1872 и 1873 г. въ вюрцбургскомъ университетѣ будутъ преподаваемы: 1) наука полиціи и полицейское право; 2) технологія; 3) техническая химія, въ особенности приготовленіе фармацевтическихъ препаратовъ; 4) теоретическая и практическая экономія; 5) политика; 6) финансы; 7) административная статистика.

(*) Sammlung der für die österreichischen Universitäten gültigen Gesetze und Verordnungen.

(**) O. Wurmb, Zur Reform der juridisch—politisch. Studien in Oesterreich" s. 17—19.

законъ признаетъ обязательнымъ для студента. Этотъ minimum въ теченіи восьми семестровъ простирается до 160 недѣльныхъ часовъ (по двадцати въ каждомъ семестрѣ); изъ него до семидесяти уходитъ на слушаніе предметовъ, относящихся къ гражданскому праву. А такъ какъ изученіе каноническаго права, гражданскаго процесса, уголовнаго права и уголовнаго процесса требуетъ также значительнаго количества часовъ, то выходитъ, что для занятій государственными науками остается у студента политико-юридическаго факультета въ такой степени мало учебнаго времени, что онъ можетъ ознакомиться съ отдѣльными и весьма важными отраслями государствовѣдѣнія только крайне поверхностнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, при испытаніяхъ, знаніе государственныхъ наукъ разсматривается какъ дѣло совершенно второстепенное. Результатъ такимъ образомъ выходитъ тотъ-же, что и въ германскихъ университетахъ, гдѣ въ юридическихъ факультетахъ многія изъ государственныхъ наукъ вовсе не преподаются; но при этомъ однако является то существенное различіе между тѣми и другими, различіе въ пользу Германіи, что при большей свободѣ ученія, при отсутствіи предписаннаго закономъ minimum'а, обязательныхъ для слушателя учебныхъ часовъ, нѣмецкій студентъ всегда можетъ восполнить то, чего не даетъ юридическій факультетъ, слушаніемъ такъ называемыхъ политическихъ наукъ на философскомъ факультетѣ. Низведеніе науки о государствѣ на задній планъ должно быть естественнымъ слѣдствіемъ того соединенія громадной массы предметовъ, которое представляютъ австрійскіе и швейцарскіе университеты.

Не лишены интереса дѣйствительное положеніе административно-политическаго образованія во Франціи,

тѣ предположенія и планы, которые имѣли въ виду поставить это образованіе въ лучшія условія. Европейская слава знаменитаго нѣкогда парижскаго университета начала по немногу меркнуть съ учрежденіемъ германскихъ университетовъ. Въ особенности много способствовалъ упадку всѣхъ вообще французскихъ высшихъ школъ духъ религіозной нетерпимости въ вѣкъ реформаціи, когда свобода вѣры и мышленія находила видныхъ представителей въ протестантскихъ университетахъ Германіи; французскіе университеты подчинились въ этомъ отношеніи тѣмъ же дурнымъ вліяніемъ, только въ большей мѣрѣ, которыя отразились на нѣмецкихъ католическихъ университетахъ. Въ эпоху революціи, провозгласившей равенство, какъ высшій принципъ соціальной жизни, французскіе университеты, въ качествѣ привилегированныхъ корпорацій, возбуждали противъ себя неудовольствіе всѣхъ лучшихъ умовъ общества. Сорбонна, какъ высшая теологическая школа, благодаря обнаруживаемой ея членами нетерпимости, возбуждала противъ себя всеобщую ненависть; юридическій факультетъ не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ публичныя должности были предметомъ купли или раздавались въ силу связей и протекцій, а не на основаніи доказанныхъ способностей и знаній. Было ясно, что столько вѣковъ жившее учрежденіе устарѣло, исказилось, не удовлетворяло болѣе ни требованіямъ времени, ни своей цѣли. Вмѣстѣ съ прежнимъ режимомъ кончили свое существованіе и старые французскіе университеты. Новая организація учебнаго дѣла во Франціи, созданная Наполеономъ I-мъ, проникнута тѣмъ же началомъ централизаціи, которое составляетъ отличительный характеръ французскаго государственнаго управленія. Вмѣсто начала самоуправленія, составляющаго одинъ изъ существенныхъ

элементовъ организаціи учебнаго дѣла въ Германіи, мы видимъ во Франціи господство бюрократическаго принципа и усиленную законодательную регламентацію въ этомъ дѣлѣ. По справедливому замѣчанію Штейна (*), система общественнаго образованія во Франціи отличается съ одной стороны отъ англійской тѣмъ, что свободной духовной дѣятельности лица оставлено такъ мало простора, какъ только возможно, а съ другой-отъ нѣмецкой тѣмъ, что отдѣльныя части системы (т. е. отдѣльныя учебныя заведенія) не имѣютъ ничего самостоятельнаго и оригинальнаго въ своихъ формахъ и развитіи; они не отличаются другъ отъ друга по мѣстностямъ въ силу историческаго происхожденія или разнообразныхъ условій самоуправленія, какъ университеты германскіе. Вся система учебнаго дѣла дѣйствительно представляетъ единое и стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части соразмѣрены другъ съ другомъ и одинаково подчинены центральному управленію. Высшія учебныя заведенія представляютъ собою одну изъ частей этой системы, одинъ изъ членовъ государственнаго учебнаго организма. Высшее преподаваніе не сосредоточено, какъ въ Германіи, въ университетахъ, а раздроблено между отдѣльными, самостоятельно существующими факультетами или высшими школами. Эти факультеты назначены для пяти категорій знанія, именно существуютъ facultés: des lettres, des sciences, оба эти разряда соотвѣтствуютъ германскимъ философскимъ факультетамъ; затѣмъ facultés: de médecine, de theologie и наконецъ de droit. Только въ Парижѣ и въ Страсбургѣ, до его покоренія нѣмцами, всѣ эти факультеты были соединены. Однако и въ Парижѣ соединенные факультеты носятъ

(*) Verwaltungslehre. V. B. s. 45.

названіе не университета, а Institut de France. Юридическое образованіе во Франціи даютъ Ecoles de droit, которыхъ въ настоящее время девять. Высшія юридическія училища учреждены во Франціи закономъ 22 Ventôse XII г. (*) По этому закону въ юридическихъ школахъ должно быть преподаваемо: 1) французское гражданское право, 2) начала естественнаго права, 3) римское право въ его соотношеніи съ французскимъ, 4) французское государственное право и 5) гражданское право въ соотношеніи его съ управленіемъ (Droit civil dans ses rapports avec l'administration publique.) Подъ послѣднимъ понималось что то очень неопредѣленное, но во всякомъ случаѣ совокупность тѣхъ свѣдѣній въ государственномъ управленіи, которыя нужны для чиновниковъ административнаго вѣдомства. Окончательная организація школъ была уже дѣломъ перваго императора. Императорскій декретъ опредѣлялъ, что въ юридическихъ школахъ должно быть пять профессоровъ, между которыми предметы преподаванія распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ профессоръ долженъ былъ ежегодно преподавать институціи Юстиніана и римское право; три профессора, каждый по три года, полный курсъ французскаго государственнаго права по кодексу Наполеона такъ, чтобы одинъ изъ этихъ курсовъ начинался каждый годъ; сверхъ того эти же профессоры обязаны были преподавать французское государственное и гражданское право по отношенію къ управленію; пятый профессоръ ежегодно долженъ былъ читать уголовное право, гражданскій и уголовный процессъ. Изъ этого распредѣленія видно, что государственныя

(*) D. Staatswörterbuch. Markwardsen: Uuiversität. Stein. Verwaltungslehre. B. V. s. 310.

науки, т. е. собственно только та часть ихъ, которая носитъ названіе административнаго права и которую законодатель понималъ подъ именемъ Droit civil dans ses rapports àvee l'administration publique, была принесена въ жертву чисто юридическимъ наукамъ, такъ какъ профессорамъ, обязаннымъ излагать Code civil съ такою подробностью, какая предписана декретомъ, недоставало бы времени для обстоятельнаго изложенія административнаго права. Ни одна изъ прочихъ частей государствовѣдѣнія не входила въ число наукъ, преподаваемыхъ въ écoles de droit. Только въ 1819 г. въ министерство Деказа, въ парижскомъ юридическомъ факультетѣ учреждена была особая каѳедра административнаго права. Съ тѣхъ поръ до 1838 г. во всѣхъ остальныхъ юридическихъ училищахъ Франціи постепенно было введено преподаваніе этой науки. Еще ранѣе ордонансомъ 1819 г. въ парижскомъ юридическомъ факультетѣ учреждалось четыре каѳедры политическихъ и административныхъ наукъ. Предметами первой изъ нихъ было естественное, общенародное и общее государственное право; второй—положительное государственное право и французское административное право, третья предназначалась для преподаванія философской исторіи римскаго и французскаго права и четвертая—политической экономіи. Но едва прошло три года со времени ихъ учрежденія, какъ новымъ правительственнымъ постановленіемъ 1822 г. установлена иная организація преподаванія въ Ecole de droit Парижа; въ этомъ правительственномъ актѣ учрежденныя три года назадъ каѳедры государственныхъ наукъ обходятся молчаніемъ и, слѣдовательно, уничтожаются. Затѣмъ, начиная съ 1828 г., постепенно возстановляются въ юридическихъ школахъ Франціи только каѳедры администра-

тивнаго права. Понятно, что административное право не могло служить замѣной всѣхъ другихъ отраслей государствовѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ фактическое положеніе политическаго и административнаго образованія во Франціи не измѣнилось. Но за то не было недостатка какъ въ попыткахъ правительства улучшить это положеніе, такъ и въ проектахъ преобразованія, составленныхъ частными лицами и учрежденіями. Различныя системы организаціи преподаванія государственныхъ наукъ предлагались французскими писателями и учеными. Такъ извѣстны предположенія Макареля, Блондо, Дюверье, Геппа, Лабуле и др. (*) Характеристическая черта многихъ изъ этихъ трудовъ въ томъ, что они, требуя расширенія преподаванія политическихъ и административныхъ наукъ и даже устройства особыхъ учебныхъ заведеній для нихъ, имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ практическія цѣли, т. е. потребность въ приготовленіи административныхъ чиновниковъ государственной службы, а не идею и современное развитіе науки о государствѣ, въ силу которыхъ она можетъ съ полной основательностью претендовать на самостоятельное положеніе въ организмѣ учебнаго дѣла страны. Нѣкоторые изъ нихъ остаются въ значительной мѣрѣ на строго научной почвѣ. Такое значеніе имѣютъ труды Макареля. Блондо, требовавшихъ учрежденія особыхъ факультетовъ политическихъ и административныхъ наукъ. Напротивъ профессоръ страсбургскаго университета Геппъ ограничивалъ свои желанія только тѣмъ, что рекомендовалъ учрежденіе въ юридическихъ школахъ дополнительныхъ каѳедръ политической экономіи, ста-

(*) Lenoel: Des sciences politiques et administratives et de leur enseignement 1865, p. 122—133.

тистики, сравнительнаго государственнаго права, международнаго права и политической исторіи. Юридическіе факультеты по этому плану должны были раздѣляться на два разряда или секціи: секцію юридическихъ наукъ въ собственномъ смыслѣ слова и секцію наукъ административныхъ. Одни предметы должны были считаться общими для слушателей обоихъ разрядовъ, другіе—спеціальными для будущихъ юристовъ или администраторовъ. Дюгерье настаивалъ на учрежденіи центральной школы для подготовленія ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, которая должна быть организована по образцику политехнической школы, но въ ней основой административнаго образованія должно было быть образованіе юридическое. Лабуле, изучившій различныя системы преподаванія государственныхъ наукъ въ Германіи, въ своемъ сочиненіи „De l'Enseignement et du Noviciat administratifs en Allemagne“, очевидно задается практической мыслью о такой организаціи политическаго и административнаго образованія, которая была бы расчитана на приготовленіе чиновниковъ для различныхъ отраслей администраціи. Такъ онъ говоритъ, что училища административныхъ наукъ должны подготовлять способныхъ кандидатовъ къ государственной службѣ трехъ разрядовъ: для службы по администраціи внѣшними дѣлами т. е. въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, для службы по администраціи въ собственномъ смыслѣ слова, для внутренняго управленія, которое сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, для финансоваго управленія, т. е. для того разряда административной дѣятельности, который составляетъ задачу министерства финансовъ и контрольныхъ учрежденій государства. Лабуле, руководясь такими практическими соображеніями, не требуетъ одна-

ко раздѣленія административнаго образованія между тремя группами учебныхъ заведеній, согласно съ тремя главными разрядами административныхъ дѣятелей, которыхъ они должны подготовлять; онъ желаетъ только такой полноты учебныхъ курсовъ, при которой будущіе чиновники всѣхъ трехъ категорій могли бы получать достаточныя свѣдѣнія въ общихъ, необходимыхъ для всѣхъ ихъ, наукахъ и въ тѣхъ спеціальныхъ предметахъ, которые относятся къ дѣятельности каждаго изъ этихъ разрядовъ. Въ административномъ факультетѣ онъ считаетъ, на этомъ основаніи, необходимыми слѣдующія каѳедры: 1) энциклопедіи или пропедевтики политическихъ и административныхъ наукъ (Introduction aux sciences politiques et administratives) 2) политической экономіи, 3) и 4) двѣ каѳедры администраціи, одна всеобщей, другая финансовой, 5) административнаго права, 6) международнаго права и дипломатіи, 7) статистики, 8) сравнительнаго государственнаго права, 9) исторіи и политической географіи, 10) гражданскаго права съ административной точки зрѣнія, 11) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, 12) каѳедры законовъ, относящихся къ промышленности и торговли, 13) сельскаго хозяйства и промышленной химіи и 14) технологіи. Изъ этого плана наукъ предполагаемой школы очевидно, что Лабуле въ сущности стоитъ на точкѣ зрѣнія нѣмецкихъ факультетовъ государственнаго хозяйства. Онъ точно также, единственно изъ практическихъ видовъ, вводитъ въ курсъ высшаго административнаго училища предметы ученія, совершенно чуждые, по всему содержанію и идеѣ, наукѣ о государствѣ, каковы химія и технологія. Правда, онъ оставляетъ въ сторонѣ собственно техническое образованіе, которое въ Тюбингенѣ, Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ пользуется въ администра-

тивныхъ факультетахъ равноправнымъ положеніемъ съ государственными науками; но онъ дѣлаетъ это не потому, что такое соединеніе разнородныхъ наукъ въ одну группу противорѣчитъ началу единства, цѣлостности высшаго спеціальнаго образованія, а лишь потому, что во Франціи для различныхъ видовъ техническихъ знаній существуютъ особыя спеціальныя школы и что нельзя требовать отъ администратора въ собственномъ смыслѣ техническихъ знаній, какъ напр. знакомства съ инженернымъ и строительнымъ искусствомъ, горной наукой и т. п. Самое распредѣленіе предметовъ, относящихся къ области государствовѣдѣнія, не выдерживаетъ критики: такъ нельзя считать правильнымъ отдѣленіе общей администраціи отъ административнаго права. Подъ послѣднимъ приходится, принявъ это раздѣленіе, понимать только положительное законодательство, относящееся къ различнымъ отраслямъ внутренняго управленія. Но развѣ изложеніе его одного можетъ имѣть значеніе науки? Затѣмъ промышленное и торговое законодательство, не говоря уже объ отсутствіи научнаго элемента въ преподаваніи, останавливающемся на одномъ положительномъ законодательствѣ, не можетъ считаться самостоятельнымъ предметомъ, потому что входитъ въ составъ науки внутренняго государственнаго управленія. Принимая въ соображеніе значительный объемъ такой науки какъ внутреннее управленіе, можно желать ея раздѣленія между многими каѳедрами и преподавателями, но нельзя представлять себѣ ея отдѣльныя части, какъ самостоятельные предметы знаній.–Замѣчателенъ проектъ организаціи во Франціи административнаго образованія, представленный Маллейномъ въ его сочиненіи „Considérations sur l'enseignement du droit administratif“. Обращая вниманіе на одинаковую важность администра-

тивнаго и гражданскаго права, авторъ находитъ нужнымъ усилить и улучшить преподаваніе административнаго права въ существующихъ юридическихъ училищахъ Франціи. При этомъ онъ выходитъ изъ той собственно вѣрной мысли, что школы права должны давать общее юридическое образованіе, не задаваясь цѣлью образовывать въ отдѣльности судей, адвокатовъ, или администраторовъ. Слушатели юридическихъ школъ должны изучать право и законодательство своей страны, которыя одинаково необходимы для всѣхъ этихъ призваній. Но такъ какъ потребности администраціи должны быть удовлетворены, то нужно учредить особыя спеціальныя школы, въ которыхъ бы лица, уже прошедшія общій юридическій курсъ, спеціально готовились къ той или другой отрасли административной службы. Такихъ спеціальныхъ школъ авторъ предлагаетъ пять: 1) спеціальную школу для внутренняго управленія, 2) спеціальную школу для дипломатической карьеры, (l'Ecole spéciale des Légations et des Consulats), 3) школу путей сообщенія (des ponts et des chaussées), 4) горную школу (Ecole des mines) и 5) спеціальную лѣсную школу. Преподаваніе въ юридическихъ школахъ должно быть расширено учрежденіемъ двухъ новыхъ каѳедръ по административному праву: каѳедры международнаго права и каѳедры уголовнаго.

Односторонность взгляда Маллейна на задачи юридическаго училища заключается въ томъ, что онъ считаетъ единственною цѣлью его изученіе права. Въ этомъ смыслѣ онъ предлагаетъ усиленіе существующаго состава каѳедръ французскихъ Ecoles de droit включеніемъ въ нихъ трехъ каѳедръ административнаго права (одна существовала и прежде). Онъ не предчувствуетъ возможности и необходимости самостоятельнаго существова-

нія науки о государствѣ: вся дѣятельность государственнаго начала по отношенію къ обществу у него сосредоточивается въ правѣ; онъ желаетъ только расширенія объема преподаванія административнаго права до размѣровъ, въ которыхъ преподается гражданское право. По особымъ обстоятельствамъ политическаго быта Франціи онъ даже не находитъ возможнымъ учрежденіе особой каѳедры конституціоннаго права, хотя въ 1845 г. въ запискѣ, составленной по порученію гренобльскаго факультета, онъ и настаивалъ на созданіе административной каѳедры по конституціонному праву. Оставаясь на этой узкой точкѣ зрѣнія, Маллейнъ не признаетъ важнаго значенія политической экономіи и не видитъ надобности включать ее въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ юридическихъ факультетахъ; онъ предоставляетъ ей мѣсто только въ предлагаемой имъ спеціальной школѣ для внутренняго управленія. Лепоэль, въ своемъ сочиненіи „Des sciences politiques et administratives et de leur enseignement“, разобравъ критически достоинства и недостатки каждой изъ упомянутыхъ здѣсь системъ, приходитъ къ заключенію о необходимости учредить „центральную школу администраціи“ въ Парижѣ, существеннымъ условіемъ принятія въ которую было бы представленіе диплома на степень лиценціата права.

Таковы извѣстнѣйшія предположенія, высказанныя въ разное время французскими публицистами относительно организаціи преподаванія государственныхъ наукъ. Различныя правительства, существовавшія во Франціи въ настоящемъ столѣтіи, также не оставляли безъ вниманія этотъ вопросъ. Въ 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія Сальванди, въ своемъ представленіи королю, проводилъ идеи Лабуле о необходимости полити-

ческаго и административнаго образованія. Съ этой же цѣлью онъ спрашивалъ мнѣнія всѣхъ юридическихъ факультетовъ относительно важности политическаго и административнаго образованія и способовъ его организаціи. Соображенія факультетовъ были подвергнуты обсужденію особой коммиссіи юридическаго образованія. Эта коммиссія, въ заключеніи своихъ продолжительныхъ работъ, приняла два главныя положенія: 1) необходимо усилить и развить обученіе публичнаго и административнаго права въ существующихъ юридическихъ школахъ и 2) учредить спеціальную школу политическихъ и административныхъ наукъ. На основаніи этого мнѣнія коммиссіи, съ которымъ согласилось правительство, были составлены два проекта: одинъ—о юридическомъ образованіи въ факультетахъ, другой—проектъ спеціальной школы политическихъ и административныхъ наукъ. Революція 1848 г. не позволила обсудить эти проекты въ законодательномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости административнаго образованія стремилось осуществить и временное правительство. Въ томъ же 1848 г. оно утвердило планъ ученія въ школѣ, предназначенной для приготовленія чиновниковъ административной службы. Главнѣйшія основанія декрета, по которому учреждалась школа (декретъ носилъ названіе: Sur la réorganisation du Collége de France), состояли въ томъ что въ Collége de France установлялась особая серія каѳедръ отчасти юридическихъ, отчасти политическихъ наукъ. Эти каѳедры были слѣдующія: 1) французскаго и сравнительнаго политическаго права, 2) международнаго права и исторіи трактатовъ, 3) частнаго права, 4) уголовнаго права, 5) всеобщей экономіи и статистики земледѣлія, 6) всеобщей экономіи и статистики населенія. 7) всеобщей экономіи и статистики горно-за-

водской, ремесленной и мануфактурной, 8) экономіи и статистики публичныхъ работъ, 9) финансовой и коммерческой экономіи и статистики, 10) административнаго права, 11) исторіи французскихъ и иностранныхъ административныхъ учрежденій. Но такъ какъ подробности организаціи и условія, необходимыя для прочнаго существованія школы, не были въ точности опредѣлены декретомъ о ея основаніи, то правительство вскорѣ должно было подвергнуть обсужденію національнаго собранія проектъ закона объ организаціи школы. Этотъ проектъ возбудилъ въ средѣ членовъ національнаго собранія весьма рѣзкія нападки; особенно сильно протестовали противъ той ломки, которой подвергался бы Collége de France, если бы училище политическихъ и административныхъ наукъ было включено въ составъ этого учрежденія. Коммиссія, которой было поручено разсмотрѣть проектъ правительства, остановилась на мысли объ основаніи отдѣльной спеціальной школы политическихъ и административныхъ наукъ. Докладъ коммиссіи представляетъ значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ правительственнымъ проектомъ въ томъ отношеніи, что онъ ставитъ на первомъ планѣ въ ряду наукъ, которыя должны быть преподаваемы въ школѣ, публичное и административное право, считая ихъ основаніемъ образованія, предлагаемаго школой. Частное право должно имѣть значеніе только вспомогательной науки. Мнѣніе, выраженное докладчикомъ коммиссіи, еще замѣчательно тѣмъ, что онъ критически относится къ организаціи тюбингенскаго административнаго факультета, находя ее неудовлетворительной въ томъ смыслѣ, что въ этомъ факультетѣ не преподается вовсе право, такъ что слушатели поставлены въ необходимость слушать лекціи юридическаго факультета для того, чтобы

ознакомиться съ юриспруденціей. Въ этомъ случаѣ докладчикъ весьма основательно присоединяется къ мнѣнію Моля, думающаго, что потребности въ юридическомъ образованіи у юристовъ и администраторовъ совершенно различны, такъ что профессору, излагающему право тѣмъ и другимъ, приходится выбрать одно изъ двухъ золъ: или читать слишкомъ поверхностно для юристовъ, или же заставлять администраторовъ заниматься изученіемъ такихъ тонкостей и подробностей въ правѣ, которыя, при ихъ спеціальныхъ занятіяхъ, совершенно лишнія. Этомъ проектъ коммиссіи не былъ подвергнутъ публичному обсужденію народныхъ представителей и вскорѣ, по избраніи принца Наполеона президентомъ республики, замѣненъ новымъ, внесеннымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ палату. Теперь предполагалось дать мѣсто административному образованію въ юридическихъ факультетахъ. Только лица, предварительно получившія званіе баккалавра права, могли быть допущены къ спеціальнымъ занятіямъ административными науками. Этотъ проектъ имѣлъ ту же участь, что и его предшественники: онъ не былъ обсуждаемъ національнымъ собраніемъ. Наконецъ декретъ 9 августа 1849 г. совершенно уничтожалъ школу политическихъ и административныхъ наукъ, созданную декретомъ 8 марта 1848 г., при Collége de France. Такимъ образомъ дѣйствительное существованіе этой школы было весьма кратковременно. Не смотря на то, что подробности ея организаціи ожидали еще законодательнаго опредѣленія, она, на основаніи декрета 8 марта, была открыта 8 іюля. За тѣмъ 19 октября начались каникулы, по истеченіи которыхъ открытіе курсовъ было постоянно отсрочиваемо въ ожиданіи закона объ организаціи школы; но такъ какъ ожиданія эти оставались безплодными, то 19

мая 1849 г. рѣшились открыть вновь чтенія въ школѣ, которыя однако менѣе чѣмъ чрезъ три мѣсяца должны были совершенно прекратиться по случаю уничтоженія школы.—Вотъ каково дѣйствительное положеніе политическаго и административнаго образованія въ Германіи, Австріи и Франціи и какія попытки и предложенія были дѣлаемы въ этихъ странахъ къ возвышенію уровня этого образованія и къ его реорганизаціи.

III.

Юридическое и политическое образованіе имѣетъ уже свою исторію и у насъ, въ Россіи.

Первоначальныя правительственныя мѣры, относящіяся къ этому предмету, по времени совпадаютъ съ основаніемъ московскаго университета. Въ первое время своего существованія московскій университетъ былъ раздѣленъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Во всѣхъ факультетахъ предполагалось имѣть десять профессоровъ; въ числѣ ихъ трое должны были принадлежать юридическому факультету; профессоры этого факультета были обязаны преподавать юриспруденцію всеобщую, россійскую и политику. Курсъ у-ченія продолжался три года. Довольно долгое время, однако, по своемъ открытіи юридическій факультетъ московскаго университета былъ представленъ въ лицѣ одного профессора Дильтея, который читалъ официальныя или, какъ тогда называли, публичныя (въ отличіе отъ частныхъ) лекціи по естественному и народному праву и всеобщей исторіи. Кромѣ того онъ читалъ для желающихъ приватныя лекціи естественнаго права на французскомъ языкѣ. (по Виндлеру) римское, гражданское и государственное право Римской имперіи. Личныя силы юридическаго факультета перваго русскаго университета увеличива-

лись медленно и слабо. Только постепенно вводятся въ кругъ преподаванія римское право съ его исторіей и древностями, политика, которую въ семидесятыхъ годахъ, также какъ и народное право, преподаютъ даже два профессора, и политическая экономія въ ея тогдашнемъ эмбріоническомъ состояніи. Профессоръ Шаденъ читалъ, впрочемъ, на философскомъ факультетѣ, „правила приватнаго благоразумія или экономіи“. Во второй половинѣ этого періода существованія московскаго университета (1755—1804) начинается преподаваніе юридической энциклопедіи, государственнаго и уголовнаго права. Какъ и слѣдуетъ ожидать, система юридическихъ и государственныхъ наукъ, преподававшихся въ то время, представляла много нестройнаго и случайнаго. Въ качествѣ самостоятельныхъ отраслей преподавались также предметы, которые не имѣютъ существеннаго значенія не только въ научномъ, но даже и въ практическомъ отношеніи; такъ напр. допускалось отдѣльное преподаваніе военнаго устава, военнаго процесса, морскаго права и адмиралтейскаго регламента, между тѣмъ какъ уголовное право и государственное вводятся уже только въ позднѣйшее время этого періода. Съ другой стороны, вслѣдствіе неяснаго разумѣнія границъ между отдѣльными частями наукъ юридическихъ и политическихъ, создавались иногда какіе-то неопредѣленные предметы ученія. Такъ напр. профессоръ Шнейдеръ читалъ теорію законовъ по извѣстному сочиненію Монтескьё „L'Esprit des lois“. Желаніе, чтобы изъ слушателей юридическаго факультета выходили готовые практики чиновники, имѣло результатомъ введеніе практическаго судопроизводства. Въ 1786—87 учебномъ году коллежскій регистраторъ Иванъ Аничковъ упражнялъ студентовъ юристовъ въ практической россійской юриспру-

денціи и судопроизводствѣ. Въ слѣдующемъ году учреждена каѳедра русскаго законовѣдѣнія, которая обязана своимъ самостоятельнымъ существованіемъ тому же смутному взгляду на отдѣльныя части науки о правѣ и государствѣ, который свойственъ былъ тогдашнему времени. Какъ бы то ни было, въ первую эпоху исторіи юридическаго и политическаго образованія въ Россіи, наука права, въ собственномъ смыслѣ слова, и науки политическія пользуются одинаковымъ положеніемъ въ университетскомъ преподаваніи (*).

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I-го начинается, какъ извѣстно, новая эпоха въ исторіи московскаго университета и возникаютъ университеты въ провинціи, именно въ Харьковѣ и Казани (**). По уставамъ университетовъ московскаго, казанскаго и харьковскаго 1804 г., каждый университетъ долженъ состоять изъ четырехъ отдѣленій или факультетовъ, именно: отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ, отдѣленія физическихъ и математическихъ наукъ, отдѣленія врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и отдѣленія словесныхъ наукъ. Въ факультетѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ (названіе болѣе удачное, чѣмъ позднѣйшее-юридическаго факультета) преподаются: 1) богословіе догматическое и нравственное; 2) толкованіе св. писанія и церковная исторія; 3) умозрительная и практическая философія; 4) права естественное, политическое и народное; 5) права гражданское и уголов-

(*) Шевырева, Исторія московскаго университета.

(**) Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи преподаванія юридическихъ и политическихъ наукъ у насъ, основаны на оффиціальныхъ данныхъ, заключающихся въ двухъ Сборникахъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія: „Сборникѣ постановленій“ (три тома, 4 части, 1864 г.) и „Сборникѣ распоряженій“ (три тома, 1866 г.).

ное, судопроизводство въ Россійской имперіи; 6) права знатнѣйшія, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ; 7) дипломатика и политическая экономія. Нѣсколько ранѣе, именно въ 1803 г. былъ утвержденъ уставъ дерптскаго университета, въ которомъ удерживалось „обыкновенное раздѣленіе всѣхъ наукъ на четыре отдѣленія, употребляемое въ иностранныхъ университетахъ.“ Отступленіе отъ послѣдовавшаго черезъ годъ устава русскихъ университетовъ заключалось въ томъ, что названіе отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ было замѣнено названіемъ юридическаго отдѣленія, въ которомъ должны были читаться слѣдующіе предметы: положительное государственное и народное право, политика, исторія правъ и юридическая словесность, римское и нѣмецкое право по гражданской и уголовной части, лифляндское провинціальное право и практическое правовѣдѣніе, эстляндское и финляндское провинціальное право, курляндское провинціальное право; впослѣдствіи предполагалось ввести теоретическое и практическое россійское правовѣдѣніе. Въ томъ же видѣ и объемѣ преподаваніе сохранялось и по уставу 1820 г. Философскій факультетъ дерптскаго университета раздѣлялся на четыре класса, въ числѣ ихъ былъ особый технологико-экономическій классъ, въ которомъ, между прочимъ, преподавались экономія, камеральная наука и финансы. Статистика, также какъ и въ собственно-русскихъ университетахъ, входила въ кругъ предметовъ, преподававшихся въ Дерптѣ, въ такъ называемомъ филологическо-историческомъ классѣ, который въ другихъ университетахъ назывался отдѣленіемъ словесныхъ наукъ. Въ виленскомъ университетѣ преподаваніе юридическихъ и политическихъ наукъ сосредоточивалось въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Въ числѣ пре-

подаваемыхъ предметовъ уставъ этого университета упоминаетъ науку государственнаго хозяйства.

Какъ доказательство высшаго ученаго образованія, установлены предварительными правилами народнаго просвѣщенія (1803 г.) и университетскими уставами ученыя степени магистра и доктора. По представленію харьковскаго университета 1814 г. былъ опредѣленъ и распорядокъ предметовъ по разнымъ факультетамъ для испытанія на ученыя степени. Для пріобрѣтенія степени магистра и доктора по нравственно-политическому отдѣленію требовалось доказать, посредствомъ испытанія, свѣдѣнія во всѣхъ тѣхъ юридическихъ и политическихъ наукахъ, которыя преподавались на отдѣленіи. Изъ общаго для всѣхъ русскихъ подданныхъ свободныхъ состояній права пріобрѣтать ученыя степени въ 1816 г., по ходатайству ученой корпораціи дерптскаго университета, были исключены Евреи, которымъ было запрещено пріобрѣтеніе ученыхъ степеней по юридическому факультету (*). Въ 1812 г. издано было положеніе о производствѣ въ ученыя степени, которое опредѣляло точнѣе порядокъ испытаній. Желающій получить ученую степень, по

(*) Такъ, разборчивый въ вопросѣ о правахъ національности, дерптскій юридическій факультетъ не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году, подвергся, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, въ лицѣ своихъ членовъ наказанію за несоблюденіе правилъ устава о производствѣ въ ученыя степени. При испытаніи на степень доктора правъ Вальтера, Вебера и др. факультетъ допустилъ весьма существенныя отступленія отъ устава, слишкомъ благопріятныя для докторантовъ. Наиболѣе виновные, ректоръ (членъ юридическаго факультета) и деканъ были удалены изъ университета и лишены правъ вступать вновь на службу; прочіе же члены юридическаго факультета хотя и оставлены были при своихъ должностяхъ, но должны были ограничить свою дѣятельность исключительно чтеніемъ лекцій, потерявъ на будущее время право производить испытанія и имѣть голосъ при удостоеніи ученыхъ степеней.

смыслу одного изъ параграфовъ Положенія (§ 8), обязанъ былъ доказать свѣдѣнія о предметахъ, входящихъ въ кругъ юридическаго факультета; но при этомъ не требовалось одинаковаго знанія всѣхъ предметовъ, напротивъ: экзаменующійся избиралъ одинъ предметъ, какъ главный, и въ немъ долженъ былъ доказать болѣе подробныя и основательныя знанія, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

Кромѣ средствъ юридическаго и политическаго образованія, предлагаемыхъ университетами, въ царствованіе императора Александра I-го существовали и нѣкоторыя другія высшія учебныя заведенія, которыя доставляли желавшимъ возможность слушать науки юридическія и государственныя. Въ 1816 г. изъ педагогическаго института, который долженъ былъ составлять часть предполагавшагося петербургскаго университета, былъ образованъ главный педагогическій институтъ, въ составъ котораго входили три отдѣленія или факультета и въ числѣ ихъ отдѣленіе наукъ философическихъ и юридическихъ. Предметы этого отдѣленія были слѣдующіе: 1) философія умозрительная, практическая, 2) права: а) общія: энциклопедія правъ, естественное, политическое, гражданское и народное коммерческое, б) положительныя: уголовное, римское, россійское, гражданское, порядокъ россійскаго судопроизводства, 3) политическая экономія. Въ 1819 г. Главный педагогическій институтъ преобразованъ въ петербургскій университетъ, при чемъ сохранено раздѣленіе на три факультета, существовавшее въ институтѣ. 12 августа 1810 г. изданно постановленіе о Царскосельскомъ лицеѣ. Цѣль этого учрежденія заключалась, по смыслу § 1 его устава, въ образованіи юношества особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы. Согласно съ этой цѣлью § 3 опредѣляетъ, что «въ Лицеѣ

преподаются предметы ученія, важнымъ частямъ государственной службы приличные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные.» Очевидно, что лицей долженъ былъ выступить не только въ качествѣ высшаго спеціальнаго училища, но вмѣстѣ и общеобразовательнаго учебнаго заведенія. Это второе его назначеніе даже преобладало надъ первымъ. Впрочемъ въ эпоху основанія Царскосельскаго лицея понятіе о томъ, что нужно для важныхъ частей государственной службы, еще не достаточно выяснилось. Потому то, вѣроятно, такъ бѣдно и были представлены въ новомъ учрежденіи юридическія и политическія науки. Онѣ входили по уставу лицея въ разрядъ нравственыхъ наукъ. Эти послѣднія опредѣлялись такъ: «подъ именемъ наукъ нравственныхъ заключаются всѣ тѣ познанія, кои относятся къ нравственному положенію человѣка въ обществѣ и, слѣдовательно, понятіе объ устройствѣ гражданскихъ обществъ о правахъ и обязанностяхъ, отсюда возникающихъ». Далѣе объяснялось, что въ окончательномъ курсѣ (продолжающемся, какъ и начальный 3 года) «начиная отъ самыхъ простыхъ понятій права должно довести воспитанниковъ до кореннаго и твердаго познанія различныхъ правъ и изъяснить имъ систему: права публичнаго, права частнаго и особенно права россійскаго и проч.» (*) Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ ле-

(*) Въ окончательномъ курсѣ лицея изъ области юридическихъ и политическихъ наукъ преподавались: а) изложеніе системы наукъ правительственныхъ; в) философское понятіе о правахъ и обязанностяхъ и раздѣленіе ихъ по разнымъ отношеніямъ на право естественное, публичное, гражданское и проч. Въ 1-й и во 2-й годъ продолжались тѣ же предметы и прибавлялись: «пространнѣйшее изложеніе права публичнаго и экономіи политической, съ сравненіемъ трехъ главныхъ ея системъ: коммерческой, экономистовъ и Смита. Въ 3-й годъ: окончаніе тѣхъ же предметовъ, съ присовокупленіемъ собственныхъ сочиненій воспитанниковъ на разные предметы экономіи политической».

жало на одномъ профессорѣ. Шестилѣтній курсъ, назначенный для воспитанниковъ, въ теченіи котораго они должны были пріобрѣсти и общее предварительное образованіе и высшее спеціальное, показывалъ, какъ были поверхностны знанія, сообщеніемъ которыхъ по необходимости приходилось ограничиваться преподавателямъ. Вѣроятно, сознаніе недостаточности спеціальнаго образованія, получаемаго воспитанниками лицея, побудило правительство уже въ слѣдующее царствованіе (1834 г.) издать постановленіе, которымъ дозволялось имъ, по окончаніи курса въ лицеѣ и по производствѣ въ классные чины, слушать лекціи въ петербургскомъ университетѣ въ продолженіи одного года или двухъ лѣтъ; они могли избирать при этомъ такіе предметы для слушанія, которые относились къ избираемому ими роду гражданской службы. Такимъ образомъ воспитанники Царскосельскаго лицея, пользовавшіеся большими правами по службѣ, чѣмъ кандидаты университета, нуждались въ довершеніи своего образованія посредствомъ слушанія лекцій, читаемыхъ студентамъ университета. Въ 1822 г. Царскосельскій лицей перешелъ изъ вѣдомства министра народнаго просвѣщенія въ завѣдываніе управленія военно-учебныхъ заведеній. Подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича онъ сначала былъ подчиненъ главному директору пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, а потомъ штабу главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Въ концѣ этого періода и въ началѣ слѣдующаго (съ 1843 г.), когда лицей поступилъ подъ главное завѣдываніе его высочества Принца Ольденбургскаго, непосильные и недостигавшіе цѣли труды одного профессора по всѣмъ юридическимъ и государственнымъ наукамъ были облегчены назначеніемъ къ нему адъюнкта. Вмѣсто прежнихъ

десяти часовъ, посвященныхъ преподаванію юриспруденціи и государствовѣдѣнія, назначено 13½ часовъ въ недѣлю. Въ 1848 г. лицей, находясь уже въ вѣдѣніи IV-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, получилъ новый уставъ, по которому это учебное заведеніе должно было состоять изъ шести классовъ. Уставъ 1848 г. задается практической цѣлью подготовлять чиновниковъ изъ „благороднаго юношества по всѣмъ частямъ, требующимъ высшаго образованія, *преимущественно же для служенія по министерству внутреннихъ дѣлъ.* Желая образовать дѣятелей по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія, уставъ создаетъ учебное заведеніе по курсу сходное съ камеральнымъ факультетомъ; вводятся: практическая механика, физика, химія, минералогія, сельское хозяйство, гражданская архитектура; затѣмъ изъ области политическихъ наукъ: политическая экономія, статистика, дипломатія; и наконецъ науки юридическія: энциклопедія законовѣдѣнія, римское право и отечественные законы. Подъ послѣдней рубрикой исчисляются всѣ отдѣльныя части права, съ прибавленіемъ исторіи законодательства и юридической практики, въ особенности дѣлопроизводства министерства внутреннихъ дѣлъ. Странно то, что уставъ не упоминаетъ полицейскаго права, самаго важнаго для такъ называемыхъ региминалистовъ, хотя въ росписаніи преподаванія въ третьемъ классѣ назначается административное право и практическое дѣлопроизводство по министерству внутреннихъ дѣлъ, 1½ часа въ недѣлю по 2-мъ и 1-мъ, полицейское право въ обоихъ классахъ 4½ часа. Вскорѣ послѣ изданія новаго лицейскаго устава только что введенный порядокъ раздѣленія на шесть классовъ былъ замѣненъ старымъ, по которому полагалось только четыре класса, каждый съ полуторагодовымъ курсомъ уче-

нія. Но въ промежутокъ между 1848 и 51 годами дѣйствовало одно весьма замѣчательное постановленіе, игравшее значительную роль въ судьбѣ лицея и точно опредѣлявшее цѣль его существованія. Съ основанія училища правовѣдѣнія, „имѣвшаго цѣлью приготовлять юристовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. чиновниковъ министерства юстиціи, Александровскому лицею (такъ уже назывался прежній Царскосельскій лицей) предположили дать назначеніе, заключающееся въ образованіи административныхъ дѣятелей. Въ этихъ видахъ былъ введенъ особый курсъ, заключавшійся въ изложеніи тѣхъ частей свода законовъ о благоустройствѣ и благочиніи, исполненіе которыхъ ввѣрено министерству внутреннихъ дѣлъ. Программа курса обнимала собою введеніе, въ которомъ излагались ученіе объ органахъ администраціи и ученіе о предметахъ администраціи. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, первая часть курса посвящалась праву государственной службы, которое было изложено слушателямъ съ теоретической, догматической и исторической точекъ зрѣнія. Вторая часть курса занята была изложеніемъ науки внутренняго государственнаго управленія. Такова была программа профессора Милютина, преподававшаго административное право въ лицеѣ до 1855 г. Эта программа замѣчательна тѣмъ, что, не смотря на практическія задачи лицея, она отличалась совершенно научнымъ характеромъ и придавала полицейскому праву такой объемъ и значеніе которые устанавливаются только въ послѣднее время, благодаря извѣстному труду Штейна. Курсъ спеціальнаго приготовленія воспитанниковъ лицея для службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ закрытъ, а нѣсколько позже, къ сожалѣнію, прекращено и преподаваніе административнаго права, хотя какъ бы въ за-

мѣнъ этого введены международное право и государственное право европейскихъ державъ. Судя по количеству учебныхъ часовъ, изъ всѣхъ политическихъ наукъ подробнѣе преподается въ лицеѣ государственное праго (8 часовъ въ недѣлю); но на остальные предметы изъ области какъ государственныхъ такъ и юридическихъ наукъ назначается слишкомъ мало времени. (*)

Въ 1805 г. „во исполненіе воли статскаго совѣтника и кавалера Демидова", пожертвовшаго недвижимое имѣніе и капиталъ, всего стоимости въ 100,000 р., учреждено ярославское училище высшихъ наукъ. По одной изъ статей устава, это училище, занимая „первую степень послѣ центральныхъ университетовъ, существующихъ въ Имперіи, состоитъ изъ семи профессоровъ, но на факультеты не дѣлится." Въ числѣ разнообразныхъ предметовъ преподаванія поставлены право естественное и народное, политическая экономія и наука финансовъ. Уставъ не опредѣляетъ цѣли училища, да едва-ли она и была выяснена при учрежденіи его; оно давало какое-то энциклопедическое образованіе и не могло имѣть значенія ни общеобразовательной школы, ни учебнаго заведенія, имѣющаго цѣлью спеціальное образованіе въ какой либо отрасли знанія. Но, при всѣхъ недостаткахъ организаціи, ярославское училище высшихъ наукъ предоставляло желающимъ средства къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ свѣдѣній въ политическихъ наукахъ. Учрежденный въ 1817 г. Ришельевскій лицей въ Одессѣ предназначался для того, чтобы давать его питомцамъ образованіе приготовительное, образованіе литературное и образованіе въ высшихъ наукахъ. Но, кромѣ того, при лицеѣ основаны были два дополнитель-

(*) Селезнева, Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго, Лицея, 1861 г.

ныя училища въ виду отдаленности Одессы отъ харьковскаго университета и ея особаго мѣстнаго положенія; одно изъ этихъ училищъ предназначалось для правовѣдѣнія и политической экономіи, другое для коммерческихъ наукъ. Курсъ въ обоихъ училищахъ полагался двухлѣтній. Въ училищѣ правовѣдѣнія и политической экономіи въ первый годъ должно быть преподаваемо правовѣдѣніе, въ теченіи восьми мѣсяцевъ второго года—политическая экономія, а послѣдніе четыре мѣсяца должны быть посвящены начальному курсу общественнаго права.—Въ 1838 г. утверждены были введенные сначала въ видѣ опыта на три года уставъ и штатъ училища правовѣдѣнія. Цѣлью новаго учебнаго заведенія было поставлено: „образованіе благороднаго юношества по части судей.“ Въ число воспитанниковъ могли поступать только дѣти лицъ, принадлежащихъ къ древнему дворянству, внесенному въ шестую часть родословной книги, или дѣти чиновниковъ, имѣющихъ чины не ниже полковника въ военной и статскаго совѣтника въ гражданской службѣ. Училище подчинено было главному вѣдѣнію министерства юстиціи. Предметы преподаванія, составлявшіе курсъ ученія, были двухъ родовъ: одни, имѣющіе общеобразовательное значеніе, имъ посвящаются 4 класса, составляющіе приготовительный курсъ, и другіе—спеціально юридическіе, на которые полагается три класса, образующіе курсъ окончательный или собственно юридическій (*). Сообразно съ спеціальной задачей училища готовить юристовъ, поли-

(*) § 6 Устава (П. С. З. Т. XIII отд. 1-е, 11,363) говоритъ: «въ училищѣ правовѣдѣнія, соотвѣтственно цѣли онаго, преподаются, сверхъ общихъ, потребныхъ каждому благовоспитанному дворянину познаній, въ особенности тѣ предметы, которые необходимы въ гражданской службѣ по части судебной».

тическимъ наукамъ оставлено весьма незначительное мѣсто въ окончательномъ его курсѣ. Изъ всей обширной ихъ области въ училищѣ правовѣдѣнія должны быть преподаваемы только государственное право (т. е. „законы основные, о состояніяхъ и учрежденіяхъ", какъ поясняетъ уставъ) и законы финансовые и полицейскіе съ предварительнымъ изложеніемъ политической экономіи.

Чтобы покончить съ состояніемъ преподаванія юридическихъ и государственныхъ наукъ въ высшихъ училищахъ въ царствованіе Александра I-го слѣдуетъ упомянуть еще, что въ гольнской гимназіи, учрежденной въ 1805 году въ городѣ Кременцѣ, между прочими предметами разнообразнаго курса преподавались государственное домоводство и законы. Гимназія была переименована въ 1819 г. въ лицей, который въ слѣдующее царствованіе перемѣщенъ въ Кіевъ и затѣмъ преобразованъ въ университетъ св. Владиміра. Въ Полоцкой іезуитской академіи, въ которую принимались только лица римско-католическаго исповѣданія, въ факультетѣ свободныхъ художествъ, философскихъ и другихъ естественныхъ и гражданскихъ наукъ, между прочимъ преподавались: право естественное, право частное и право римское, гражданское. Академія была закрыта въ 1820 г. вмѣстѣ съ высылкой іезуитовъ изъ Россіи, генералу ордена которыхъ она была подчинена.

Способы передачи всѣхъ знаній, употреблявшіеся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, заключались главнымъ образомъ въ изустномъ изложеніи науки, въ чтеніи лекцій, при чемъ обыкновенно профессоры держались сочиненій и рукогодствъ извѣстныхъ тогда иностранныхъ писателей, преимущественно нѣмецкихъ. Но уже въ это начальное время жизни высшихъ училищъ преподаватели обращались и къ другимъ пріемамъ, ко-

торые служили вспомогательнымъ и дополнительнымъ средствомъ къ чтенію лекцій. Такое значеніе имѣли диспуты по юридическимъ и политическимъ наукамъ, которые устраивали профессоры московскаго университета между своими слушателями. Особенное расположеніе къ этому средству обученія выказалъ профессоръ Дильтей (*).

Въ университетахъ и лицеяхъ преимущественно сосредоточивались средства къ пріобрѣтенію юридическихъ и политическихъ знаній въ эту первую эпоху исторіи высшаго образованія на Руси. Но учрежденіемъ этихъ учебныхъ заведеній не ограничивалась дѣятельность правительства въ этомъ направленіи. Потому несправедливо было бы обойти двѣ другія мѣры, имѣвшія въ виду достиженіе той же цѣли, это именно: отправленіе молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ политическихъ и юридическихъ наукахъ и преподаваніе этихъ наукъ чиновникамъ, желавшимъ производства въ чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника. Въ 1808 г. послѣдовало высочайшее разрѣшеніе отправить за границу для усовершенствованія въ различныхъ отрасляхъ наукъ двѣнадцать студентовъ педагогическаго института, которые, по возвращеніи, предназначались къ занятію, съ званіемъ профессоровъ и адъюнктовъ, каѳедръ въ предполагавшемся петербургскомъ университетѣ. Въ руководство имъ издано министерствомъ „начертаніе объ отправленіи студентовъ С. Петербургскаго педагогическаго института въ чужіе краи.“ Въ числѣ отправленныхъ одинъ назначался для занятій историческими науками, другой — философіей, третій—политической экономіей и коммерціей и четвер-

(*) Шевырева: Исторія московскаго университета.

тый—дипломатикой. Предназначенному для изученія исторіи ставилось въ обязанность ознакомиться съ естественнымъ и общественнымъ правомъ, общей политикой, государственнымъ хозяйствомъ и статистикой, „чтобы найти главныя точки, съ коихъ онъ долженъ взирать на историческія происшествія.“ Далѣе къ числу необходимыхъ для историка предметовъ причислялось *непремѣнное право народовъ и посольственное право.* Будущему профессору философіи, кромѣ занятій этой наукой, предлагается обратить вниманіе на „нравоученіе народное, общественное право и обыкновенную политику“. (*) Переходя къ порядку заграничныхъ занятій, которымъ должны посвятить свои труды кандидаты политической экономіи и дипломатики, этотъ правительственный документъ 1808 г. обнаруживаетъ весьма ясный и правильный взглядъ относительно самостоятельнаго положенія государственныхъ наукъ.„ Въ новѣйшія только времена испытали. что государственныя науки *непринадлежатъ ни къ философіи, ни къ наукѣ права, но составляютъ особую часть свѣдѣній.* Историческія познанія служатъ имъ введеніемъ, которое должно быть основано на тѣхъ философическихъ правилахъ, которыя служатъ пищею для исторіи. Политикъ имѣетъ сношенія съ человѣкомъ, гражданиномъ; слѣдовательно прежде сужденія о сношеніяхъ народовъ и частныхъ особъ между собою и обна-

(*) Кандидату на каѳедру философіи рекомендовалось: «ввѣрить себя руководителю, соединяющему познаніе важнѣйшихъ метафизическихъ мнѣній во всѣхъ предметахъ съ опытностью для испытанія и сужденія оныхъ». «Конечно, продолжаетъ вслѣдъ за тѣмъ начертаніе, сіи достоинства рѣдко бываютъ вмѣстѣ, однакожъ Германія имѣетъ мужа, который съ сей самой стороны отличается, г. надворнаго совѣтника Шульца, профессора въ Гельмштеттѣ; средп новыхъ метафизиковъ отличился онъ какъ необыкновенный мыслитель и основательный знатокъ въ своей наукѣ.»

родованія своихъ сужденій для общественной пользы, долженъ онъ знать свойства человѣковъ и государствъ, почерпать совѣты въ опытности протекшихъ временъ». На этомъ основаніи отъ предназначавшагося къ каѳедрѣ политической экономіи требовалось изученіе въ качествѣ главныхъ наукъ: политической исторіи, права философскаго, естественнаго и народнаго, римскаго и ленная права, статистики европейскихъ государствъ и политической экономіи. Вспомогательными науками, знанія которыхъ весьма полезны при изученіи политической экономіи, признавались: a) курсъ дипломатическій; b) три практическія науки: сельское домоводство, технологія и коммерція и c) политическая ариѳметика. Тѣ же науки, съ добавкой военной исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, а также нѣкоторыхъ свѣдѣній въ воинскомъ искуствѣ и исторіи коммерціи, считаются вспомогательными науками для студента дипломатики (*). Главными предметами изученія являются для него: 1) политическая исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ, 2) курсъ дипломатическій и 3) народное политическое право Европы; затѣмъ перечисляются тѣ отдѣлы государствовѣдѣнія, которые обнимаютъ государственное право, финансы и науку внутренняго управленія (полицейское право). Ко всему этому прибавляются начальныя основанія политики. Въ заключеніе совѣтовъ, которые даются изучающимъ политическую экономію и международное право, наставленіе замѣчаетъ, что „въ настоящемъ положеніи Европы очень трудно избрать университетъ, въ которомъ бы политическія науки основательно были преподаваемы“ и рекомендуетъ Геттингенъ и Гейдельбергъ,

(*) Во всѣхъ актахъ того времени употребляется это неправильное названіе науки международнаго права и дипломатіи.

какъ удобнѣйшіе пункты для изученія политическихъ наукъ. Въ этихъ городахъ будущіе профессоры должны пробыть по одному году въ каждомъ, за тѣмъ годъ назначается для путешествія по Франціи и пребыванія въ Парижѣ. Благородная заботливость министерства, однако, не ограничивается этимъ и высказываетъ желаніе, чтобы командированные для занятій политическими науками молодые люди посѣтили, если позволятъ обстоятельства, и Англію; въ такомъ случаѣ одну половину послѣдняго года они могли бы пробыть во Франціи, а другую въ Англіи, „гдѣ увидѣли-бы они чудеса человѣческаго искуства, самое цвѣтущее землепашество, фабрики, верфи и пр., также смѣшанное правленіе, парламенты, суды и мѣста, учрежденныя для приведенія въ лучшее состояніе хлѣбопашества.“

Указомъ 6 августа 1809 года, установлявшимъ испытаніе для производства въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, даны служащимъ лицамъ, желающимъ дальнѣйшаго производства, но неимѣющимъ университетскихъ аттестатовъ, способы подготовить себя къ испытанію, которое съ этого времени должно было составлять для нихъ conditio sine qua non всякаго служебнаго повышенія. Въ обѣихъ столицахъ и въ университетскихъ городахъ положено было открыть при университетахъ особые курсы, которые могли бы слушать, не оставляя службы, молодые люди, готовящіеся къ экзамену. Чтеніе на этихъ курсахъ должно было происходить съ мая по октябрь мѣсяцъ и начинаться не ранѣе двухъ часовъ пополудни. Изъ области юридическихъ и политическихъ наукъ чиновники должны были слушать слѣдующіе предметы, свѣдѣніе въ которыхъ они должны были доказать путемъ экзамена: естественное право, римское, гражданское, законы уголовные,

экономію государства. Курсы были уничтожены въ 1834 году.

Долгое время не только по открытіи перваго русскаго университета, но даже и послѣ основанія университетовъ казанскаго и харьковскаго не замѣчается со стороны правительства стремленія къ регламентаціи направленія въ университетскомъ преподаваніи вообще и преподаваніи наукъ юридическихъ и политическихъ въ частности. Первый актъ правительственной дѣятельности, имѣющій въ виду строго и точно опредѣлить направленіе и духъ преподаванія, это знаменитая въ своемъ родѣ инструкція директору казанскаго университета января 17-го 1820 г., которая въ слѣдующемъ году была примѣнена къ петербургскому университету. Между прочимъ эта инструкція, опредѣляя значеніе политическихъ наукъ, говоритъ, что цѣль „каоедры правъ не есть изученіе (обученіе) согершенныхъ юрисконсультовъ“, но сообщеніе такихъ понятій, которыя долженъ имѣть каждый благовоспитанный человѣкъ и каждый гражданинъ „для сохраненія въ обществѣ своей чести, имущества и дабы не преступить закона по невѣдѣнію.“ (*) Инструкція директору казанскаго университе-

(*) «Профессоръ правъ, соединяя три раздѣльныя доселѣ каѳедры, предметы оныхъ расположитъ по времени академическаго курса въ слѣдующемъ порядкѣ: а) о правахъ естественномъ, политическомъ и народномъ, понятія общія съ указаніемъ исторіи сей науки, ея главныхъ раздѣленій и лучшихъ авторовъ, объ оной писавшихъ; b) о правахъ знатнѣйшихъ народовъ древнихъ кратко, новѣйшихъ подробнѣе, но въ видѣ историческомъ; с) о законодательствѣ россійскомъ, исторически, подробно и съ присовокупленіемъ общаго обозрѣнія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ и изъясненіемъ порядка нашего судопроизводства. Въ предметъ сей каѳедры должно войти: понятіе о настоящемъ правительствѣ нашего отечества, части, изъ коихъ политическое тѣло его составлено, названія и обязанности сословій и лицъ управляющихъ, порядокъ дѣйствія въ цемъ власти законодательной, судной и правительственной во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленіяхъ. Курсъ сего

та представляетъ собой рѣзкое выраженіе того, что отношеніе правительства къ высшему образованію измѣнилось. Съ ней можно считать ясно обозначившееся начало новой эпохи въ исторіи этого отношенія государства къ университетамъ. До того времени отличительной чертой въ направленіи правительственной дѣятельности относительно высшаго образованія была, если можно такъ выразиться, безсознательная свобода преподаванія; съ этой поры настаетъ періодъ дѣятельной регламентаціи, продолжающійся до 1855 г. Науки юридическія и въ особенности политическія естественнымъ образомъ должны были испытать на себѣ всю тяжесть

отдѣленія заключенъ быть можетъ *практическимъ упражненіемъ политическаго права въ разсмотрѣніи представительныхъ правительствъ Америки, Англіи, Франціи, Финляндіи и Польши.* Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, что священная власть монарха въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны, исходятъ отъ Бога и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое, есть выраженіе воли Вышняго. Почему одинъ изъ древнихъ христіанскихъ мудрецовъ почтеніе и покорность, государямъ принадлежащія, называлъ *религіею втораго Величества.* Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Махіавеля и Гобса. Онъ долженъ изъяснить, что цѣль гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному, или возвысить токмо одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ; но что, согласно съ мыслями Платона и Аристотеля, предметъ онаго есть сдѣлать людей, въ обществѣ живущихъ, сколько можно счастливѣе, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладаніе имуществомъ, здравіе, *свободу мысли,* прямоту сердца и справедливость; что для полученія сихъ благъ необходимы взаимныя жертвы. Потомъ, восходя выше Платона и Аристотеля, преподаватель покажетъ источникъ сихъ началъ въ Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ, или, лучше, въ самомъ верховномъ Законодателѣ нашемъ и сею священною печатью запечатлѣетъ истину своихъ уроковъ.»—Инструкція директору казанскаго университета въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 1212, 13.

усиленнаго контроля относительно объема, содержанія и направленія въ ихъ преподаваніи (*).

Царствованіе императора Александра I, сдѣлавшее такъ много для развитія народнаго образованія вообще, какъ легко вывести изъ приведенныхъ фактовъ, отличалось замѣчательною дѣятельностью на пользу политическаго и юридическаго образованія въ Россіи. Учрежденіе вмѣстѣ съ университетами, какъ необходимой ихъ составной части, факультетовъ нравственно-политическихъ наукъ, введеніе преподаванія этихъ наукъ, покрайней мѣрѣ отчасти, въ другихъ высшихъ училищахъ, подготовленіе за границей профессоровъ, предоставленіе возможности чиновникамъ государственной службы получать извѣстныя свѣдѣнія въ юридическихъ и государственныхъ наукахъ—все это такія мѣры, которыя могутъ по справедливости считаться основнымъ камнемъ въ дѣлѣ организаціи политическаго и юридическаго образованія. Эпохѣ Александра I-го принадлежитъ честь первоначальнаго возрожденія въ Россіи политическаго образованія. Лучшимъ доказательствомъ того, что правительство сознательно стремилось къ этой цѣли, служатъ переводы политическихъ сочиненій, предпринятые отчасти по повелѣнію, отчасти съ содѣйствіемъ императора, какъ напр. сочиненіе Де-Лольма, Бентама; послѣдствіе поощренія явились переводы Беккарія, Адама Смита и др. Характеристической чертой этого перваго періода

(*) Въ 1824 г., на основаніи высочайше утвержденнаго журнала комитета, назначеннаго для разсмотрѣнія безпорядковъ въ виленскомъ университетѣ, министерство народнаго просвѣщенія исключило естественное право и науки политическія (политическую экономію) изъ числа предметовъ гимназическаго курса, опредѣленнаго уставомъ 1804 г. Въ замѣнъ того было положено усилить число уроковъ, назначенныхъ для преподаванія языковъ греческаго, латинскаго и русскаго.

въ исторіи политическаго и юридическаго образованія у насъ служитъ то, что, вводя науку права и государства въ курсъ высшихъ училищъ, заботились не о томъ только, чтобы образовать искусныхъ законовѣдовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, но чтобы переводить изъ Европы истинную науку въ томъ видѣ, какъ она существовала на западѣ. Къ концу царствованія эти стремленія, подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, начинаютъ уступать мѣсто боязни предъ европейской наукой; но общій колоритъ александровскаго времени по отношенію къ юридическому и политическому образованію отъ этого не слишкомъ много мѣняется.

Въ 1835 г. былъ утвержденъ новый уставъ для университетовъ петербургскаго, московскаго, харьковскаго и казанскаго. За полтора года до этого былъ учрежденъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Распредѣленіе предметовъ преподаванія въ юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра по его первому уставу нѣсколько разнилось отъ того, который опредѣлялся общимъ уставомъ 1835 г. Но новый уставъ кіевскаго университета, данный ему въ 1842 г. совершенно уравниваетъ его юридическій факультетъ съ такими же факультетами другихъ университетовъ. Прежній факультетъ нравственно-политическихъ наукъ былъ теперь переименованъ, въ томъ и другомъ уставѣ, въ юридическій, въ которомъ должны были преподаваться слѣдующіе предметы: 1) энциклопедія или общее обозрѣніе системы законовѣдѣнія; россійскіе государственные законы, т. е. законы основные, законы о состояніяхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, 2) римское законодательство и его исторія, 3) гражданскіе законы общіе, особенные и мѣстные, 4) законы благоустройства и благочинія, 5) законы о государственныхъ повинностяхъ и

финансахъ, 6) законы полицейскіе и уголовные, 7) начала общенароднаго правовѣдѣнія (jus gentium). Очевидно новый уставъ имѣлъ въ виду значительнымъ образомъ восполнить тѣ пробѣлы въ системѣ юридическаго и политическаго образованія въ университетахъ, которые представлялъ первоначальный уставъ. Назначено гораздо болѣе каѳедръ, введены новые предметы преподаванія; но, несмотря на это, новое законоположеніе о юридическихъ факультетахъ въ одномъ отношеніи едва ли не дѣлало шага назадъ. Названія и раздѣленія юридическихъ и государственныхъ наукъ по прежнему университетскому уставу, не смотря на всѣ свои несовершенства, обусловливаемыя, впрочемъ, тогдашнимъ положеніемъ этой отрасли знанія въ западной Европѣ, носили все таки научный характеръ; новый уставъ, за исключеніемъ энциклопедіи и общенароднаго правовѣдѣнія, (къ которымъ по самому ихъ содержанію не могъ быть приложенъ терминъ законы), всѣ предметы преподаванія юридическаго факультета обозначалъ словомъ законы. Безъ всякаго сомнѣнія одно названіе не составляетъ еще сущности дѣла, если подъ нимъ не скрывается намѣреніе направить самое дѣло вполнѣ соотвѣтственно съ названіемъ; но дальнѣйшая судьба юридическаго и политическаго преподаванія въ нашихъ университетахъ показала, что названіе оказало свое вліяніе на самое содержаніе и направленіе преподаванія. Во многихъ случаяхъ (хотя конечно не всегда и не вездѣ) преподаваніе было дѣйствительно сводимо къ изложенію дѣйствующихъ законовъ, сопровождаемому иногда историческими указаніями, такъ что научный элементъ изгонялся. Положительное законодательство по нѣкоторымъ предметамъ должно было совершенно замѣнить собой науку. Въ особенности потерпѣло препода-

ваніе государственнаго права, такъ какъ уставъ прямо, не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія, опредѣлялъ, что должны быть преподаваемы россійскіе государственные законы. Справедливость требуетъ однако сказать, что было достаточное число профессоровъ, которые не считали нужнымъ, подъ прикрытіемъ благосклоннаго закона, совершенно почить на лаврахъ и ограничить свою преподавательскую дѣятельность только перечитываніемъ своимъ слушателямъ статей свода

24 апрѣля 1837 г. утверждено было положеніе объ испытаніяхъ на ученыя степени для всѣхъ русскихъ университетовъ, за исключеніемъ дерптскаго. Для политическихъ наукъ установлена особая степень магистра, но отнесена къ философскому факультету. При испытаніи для полученія ея требовалось знаніе политической экономіи, статистики и новѣйшей исторіи, которыя признавались главными предметами испытанія. Затѣмъ, въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ, назначались общенародное правовѣдѣніе и дипломація. Изъ этого распредѣленія предметовъ магистерскаго испытанія видно, что понятіе о границахъ и объемѣ такъ называемыхъ политическихъ наукъ было крайне узко. Затѣмъ въ юридическомъ факультетѣ установлялось три разряда магистровъ законовѣдѣнія: 1) гражданскаго законовѣдѣнія, 2) уголовнаго и 3) государственнаго. Для пріобрѣтенія первой изъ этихъ степеней требовались какъ главные предметы: гражданскіе законы (общіе, особенные и мѣстные) и гражданское судопроизводство, дополненіемъ къ нимъ служили римское законодательство и энциклопедія правовѣдѣнія; для полученія второй главными предметами признавались: законы уголовные и полицейскіе, уголовное судопроизводство, законы благоустройства и благочинія, предметы дополнительные тѣ же, что и по пер-

кой степени. Наконецъ желающіе имѣть степень магистра государственнаго законовѣдѣнія должны были подвергаться испытаніямъ въ россійскихъ государственныхъ законахъ, законахъ о финансахъ и законахъ благоустройства и благочинія; всѣ эти законы считались главными предметами испытанія, общенародное же правовѣдѣніе и энциклопедія законовѣдѣнія дополнительными къ нимъ или, какъ выражается положеніе, состоящими съ главными въ ближайшей связи. Что касается до степени доктора, то по полицейскимъ наукамъ положеніе не установляло ее вовсе, а по юридическому факультету была одна только докторская степень, для полученія которой желающій долженъ былъ вновь экзаменоваться изъ всѣхъ частей права, знаніе которыхъ требовалось для разныхъ разрядовъ магистерской степени, за исключеніемъ законовъ благоустройства и финансовъ, экзаменъ по которымъ обязаны были держать только желающіе быть профессорами или адъюнктами по этимъ каѳедрамъ. Такимъ образомъ, судя по названіямъ предметовъ испытанія на высшія ученыя степени, положеніе, подобно уставу, сосредоточивало свои требованія на преимущественномъ изученіи положительнаго законодательства. Эти правила, сначала утвержденныя въ видѣ опыта на три года, дѣйствовали до 1844 г., когда были замѣнены новыми. Въ положеніи 1844 г. о производствѣ въ ученыя степени на званіе магистра политическихъ наукъ замѣнено названіемъ магистра политической экономіи и статистики; оба эти предмета опредѣлены какъ главные предметы испытанія, дополнительными или вторыми обозначены: общенародное правовѣдѣніе и дипломація, также какъ и новѣйшая исторія. Степень магистра политической экономіи по прежнему включена въ число разрядовъ магистерской сте-

пени по философскому факультету. Кромѣ того желающіе пріобрѣсти степень магистра по русской и всеобщей исторіи обязаны были доказать на испытаніи общія свѣдѣнія въ политической экономіи, статистикѣ и общенародномъ правовѣдѣніи. Въ юридическомъ факультетѣ положеніе установляло четыре разряда магистровъ законовѣдѣнія именно: 1) гражданскаго права, 2) уголовнаго права, 3) государственнаго права, 4) общенароднаго права. Распредѣленіе предметовъ испытанія по этимъ разрядамъ обнаруживаетъ уже болѣе научный взглядъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ. Отъ этого послѣдняго оно отличается тѣмъ, что во 1-хъ устанавливаетъ особую степень магистра международнаго права, главными предметами для пріобрѣтенія которой назначаются общенародное правовѣдѣніе и дипломація, государственные законы Россійской имперіи и энциклопедія законовѣдѣнія; вторымъ предметомъ — государственные законы важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Во 2-хъ положеніе 1844 г. видоизмѣняетъ прежнія требованія для пріобрѣтенія степени магистра государственнаго права, включая законы о финансахъ въ число главныхъ предметовъ испытанія и признавая политическую экономію и статистику дополнительными предметами. Законы благоустройства и благочинія исключены вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа предметовъ испытанія на степень магистра уголовнаго права. Въ условіяхъ пріобрѣтенія докторской степени положеніе точно также высказываетъ стремленіе провести воззрѣнія современной науки на относительную самостоятельность и отдѣльное существованіе наукъ политическихъ. Такъ устанавливается степень доктора юридическихъ наукъ (предметы испытанія: гражданскіе, уголовные, полицейскіе законы, гражданское и уголов-

ное судопроизводство, римское право и энциклопедія законовѣдѣнія) и степень доктора политическихъ наукъ (государственные законы Россійской Имперіи и важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, общенародное правовѣдѣніе и дипломація, законы о финансахъ и законы благоустройства и благочинія, энциклопедія законовѣдѣнія, политическая экономія и статистика). Эти двѣ степени пріобрѣтаются по юридическому факультету. Но кромѣ того въ философскомъ факультетѣ существуетъ степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Положеніе 1844 г. страдаетъ двумя главными недостатками: 1-е отсутствіемъ спеціализаціи въ предметахъ испытанія для полученія какъ магистерской, такъ въ особенности докторской степени (*) и 2-е опять таки неяснымъ пониманіемъ границъ отдѣльныхъ научныхъ областей: такъ въ одной и той же степени магистра общенароднаго права соединены и право государственное и международное. Въ испытаніе на степень магистра государственнаго права, кромѣ этой науки, включены: полицейское, финансовое право, политическая экономія и статистика. Положеніе 1844 г. во всякомъ случаѣ представляетъ до нѣкоторой степени первую попытку къ отдѣленію политическихъ наукъ отъ юридическихъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ сферахъ ихъ изученія.

Правительственныя мѣры относительно устройства высшихъ училищъ для юридическихъ и политическихъ

(*) Я здѣсь не задѣваю вопроса о томъ, на сколько раціонально вообще требованіе второй высшей степени. Что касается до испытаній, установленныхъ положеніемъ 1844 г. на степень доктора, то ихъ безцѣльность уже признана тѣмъ, что дѣйствующее въ настоящее время законодательство объ ученыхъ степеняхъ обусловливаетъ пріобрѣтеніе степени доктора единственно представленіемъ и публичнымъ защищеніемъ диссертаціи.

наукъ, принятыя въ царствованіе императора Николая I-го, подобно мѣрамъ предшествовавшаго царствованія, не ограничивались одними университетами. Въ 1828 г. снова былъ учрежденъ главный педагогическій институтъ, цѣлью котораго было поставлено приготовленіе профессоровъ и учителей въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія. Институтъ заключалъ въ себѣ три курса: предварительный, окончательный и курсъ педагогіи. Окончательный курсъ раздѣлялся, аналогично съ факультетами университетовъ, на три отдѣленія, изъ которыхъ одно называлось отдѣленіемъ наукъ философическихъ и юридическихъ. Предметами преподаванія студентамъ этого отдѣленія были: 1) философія теоретическая и практическая; 2) государственное право (jus publicum) вообще и въ особенности русское; 3) гражданское право (jus privatum) русское; 4) римское право и 5) политическая экономія. Кромѣ того, наравнѣ со студентами двухъ другихъ отдѣленій, для юристовъ было обязательно слушаніе лекцій по закону Божію, русской и латинской словесности и литературѣ одного изъ новѣйшихъ языковъ. Уставъ одинаково строго требовалъ отъ воспитанниковъ всѣхъ отдѣленій основательныхъ знаній въ этихъ предметахъ. Сверхъ того онъ рекомендовалъ студентамъ каждаго отдѣленія по возможности изучать и остальные предметы прочихъ отдѣленій, особенно тѣ, которые имѣютъ ближайшую связь съ главными науками избраннаго отдѣленія. Есть основаніе думать, что этотъ параграфъ устава главнаго педагогическаго института едвали когда нибудь выходилъ изъ области однихъ желаній. Смотря по результатамъ окончательнаго испытанія, студенты дѣлились на два разряда; лучшіе изъ перваго разряда предназначались къ отправленію за границу. Въ 1848 г. былъ

закрыть юридическій факультетъ института на томъ основаніи, какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, что „для доставленія институту большей спеціальности, необходимо ограничить его двумя факультетами: историко-филологическимъ и физико-математическимъ, собственно приготовляющими преподавателей для гимназій и упразднить факультетъ юридическій, учебные предметы котораго въ гимназіяхъ не преподаются. При обширномъ объемѣ, высочайше дарованномъ съ 1835 г. университетскимъ юридическимъ факультетамъ, нынѣшнее преподаваніе этихъ наукъ въ институтѣ, для котораго существуетъ тотько дѣ каоедры, оказыгается недостаточнымъ; а восполненіе юридическаго факультета учрежденіемъ новыхъ каоедръ потребовало-бы значительныя суммы.“ Мотивы, изложенные въ представленіи министра, были вполнѣ основательны: дальнѣйшее существованіе, рядомъ съ юридическимъ факультетомъ петербургскаго университета не полно организованнаго другаго юридическаго факультета не вызывалось никакими серьезными соображеніями. Впрочемъ закрытый такимъ образомъ юридическій факультетъ педагогическаго института сдѣлалъ свое дѣло: онъ далъ въ свое время русскимъ университетамъ дѣльныхъ и современно-образованныхъ по своей спеціальности профессоровъ. Учено-преподавательская дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр.: покойнаго Мейера, безъ всякаго преувеличенія, составила эпоху въ исторіи юридическаго факультета того университета, гдѣ они дѣйствовали.

Другія высшія учебныя заведенія, которыя, по крайней мѣрѣ, отчасти служили цѣлямъ политическаго и юридическаго образованія, были лицеи: Нѣжинскій кн. Безбородко, Демидовскій въ Ярославлѣ и Ришельевскій

въ Одессѣ. Всѣ эти учрежденія испытали неоднократныя перемѣны въ своемъ устройствѣ въ теченіи предшествовавшаго царствованія. Въ 1840 г. былъ утвержденъ новый уставъ Нѣжинскаго лицея. Главною цѣлью лицея поставлено было распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Сообразно съ этимъ уставъ назначалъ четыре каѳедры юридическія: одну для энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ, другую для законовъ казеннаго управленія, третью для гражданскихъ и законовъ государственнаго благоустройства, четвертую для законовъ полицейскихъ и уголовнаго судопроизводства. Сверхъ того на обязанности законоучителя лежало преподаваніе церковнаго законовѣдѣнія. Вѣроятно, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній относительно содержанія преподаванія, противъ предметовъ каждой каѳедры въ скобкахъ были указаны соотвѣтствующіе томы свода законовъ. Такъ какъ главная задача лицея состояла въ изученіи положительнаго русскаго законодательства, то онъ не могъ, конечно, много содѣйствовать дѣлу истинно-научнаго образованія въ области права и государствовѣдѣнія. Недостаточное число профессоровъ и скудно обезпеченное матеріальное положеніе ихъ также не мало вредили успѣхамъ заведенія. Лицей кн. Безбородко до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ этомъ неудовлетворительномъ видѣ, между тѣмъ болѣе счастливая судьба выпала въ настоящее царствованіе на долю двухъ другихъ лицеевъ: Демидовскаго и Ришельевскаго.

Демидовское высшихъ наукъ училище съ 1 января 1834 г. было преобразовано въ лицей. Это былъ первый опытъ созданія у насъ высшаго учебнаго заведенія, по своему курсу весьма близко подходящаго къ факультетамъ государственнаго хозяйства въ трехъ гер-

манскихъ университетахъ. Разница была та, что введены были нѣкоторые предметы общаго образованія, напр.: математика, русская словесность, латинскій языкъ, философія; далѣе собственно государственныя науки были перемѣшаны съ юридическими и, кромѣ того, первыя были представлены крайне слабо: такъ для преподаванія государственнаго права, финансовъ и полицейскаго права назначалась одна каѳедра. Политическая экономія составляла, впрочемъ, предметъ особой каѳедры. Въ 1845 г. уставъ ярославкаго лицея былъ снова измѣненъ: вычеркнута была изъ числа преподаваемыхъ предметовъ философія, учреждена особая каѳедра для технологіи и сельскаго хозяйства, къ политической экономіи были прибавлены статистика и наука о торговлѣ; къ каѳедрѣ политическихъ наукъ присоединена энциклопедія правовѣдѣнія. Въ этомъ своемъ видѣ лицей еще болѣе, чѣмъ прежде, напоминалъ какой нибудь Staatswirthschaftliche Facultät въ Тюбингенѣ или камеральное отдѣленіе юридическаго факультета въ нѣкоторыхъ нашихъ университетахъ. Между Тюбингеномъ и Ярославлемъ была, впрочемъ, существенная разница въ томъ отношеніи, что для политическихъ и юридическихъ наукъ въ лицеѣ полагалось всего два преподавателя.

Уставъ, данный Ришельевскому лицею въ 1837 г., учреждаетъ два отдѣленія въ этомъ училищѣ, изъ которыхъ одно назначено для юридическихъ наукъ. Предметы преподаванія въ юридическомъ отдѣленіи обозначены такъ: 1) римская словесность (отнесена къ числу спеціальныхъ предметовъ отдѣленія); 2) энциклопедія и исторія правовѣдѣнія; 3) россійское законовѣдѣніе; 4) римское законовѣдѣніе и 5) практическое судопроизводство. Профессоръ богословія обязанъ былъ преподавать церковное право. Философія, русская словесность, все-

общая и въ особенности русская исторія и статистика признаны по уставу общими предметами, слушаніе которыхъ обязательно для студентовъ обоихъ отдѣленій. Очевидно уставъ преслѣдовалъ чисто практическую цѣль — образованіе чиновниковъ, знатоковъ русскаго законодательства. Въ 1841 г. было введено въ Ришельевскомъ лицеѣ преподаваніе судебной медицины. Въ томъ же году вмѣсто прежнихъ двухъ образовано три отдѣленія, именно: къ физико-математическому и юридическому присоединено отдѣленіе камеральное. Судя по названію можно бы ожидать, что политическія науки найдутъ здѣсь, хотя и на ряду съ естественными и техническими, надлежащее мѣсто; но оказывается, что изъ всей обширной области ихъ въ камеральномъ факультетѣ лицея должно было преподаваться только государственное хозяйство (финансы) и то въ связи съ наукой о торговлѣ. Курсъ юридическаго отдѣленія расширенъ введеніемъ того же государственнаго хозяйства. Въ такомъ видѣ существовали юридическое и камеральное отдѣленія въ одесскомъ лицеѣ до преобразованія его (въ 1865 году) въ Новороссійскій университетъ.

Идея правительства—организовать спеціальное образованіе для готовящихся къ административной службѣ, въ особенности къ службѣ по администраціи государственныхъ имуществъ, идея, выразившаяся въ устройствѣ Демидовскаго лицея и учрежденіи камеральнаго отдѣленія въ Ришельевскомъ лицеѣ, нашла себѣ болѣе полное примѣненіе въ учрежденіи камеральныхъ разрядовъ при юридическихъ факультетахъ петербургскаго (1843 г.) и казанскаго (1844 г.) университетовъ. Камеральные разряды, какъ мы уже говорили, были сколкомъ съ факультетовъ государственнаго хозяйства (Staatswirthschaftiche Facultät) въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ.

Но если судить объ учрежденіи этихъ разрядовъ независимо отъ узко практической цѣли и подражательнаго ихъ характера, то все таки нельзя не признать въ немъ первую широкую попытку создать для государственныхъ наукъ самостоятельное положеніе въ учебномъ организмѣ. Дѣйствительно, стоило бы исключить изъ числа обязательныхъ для камералистовъ предметовъ сельское хозяйство, технологію и нѣкоторыя естественныя науки, а ввести международное право и исторію права— и камеральные разряды обратились бы въ факультеты государственныхъ наукъ. Ближе къ этой цѣли подходила организація петербургскаго камеральнаго факультета (*). Предметы, преподававшіеся на немъ, были слѣдующіе: политическая экономія, статистика, законы о финансахъ, законы благоустройства и благочинія, государственныя учрежденія россійской имперіи, государственное право европейскихъ державъ, русская исторія, всеобщая исторія, агрономія, технологія, русскіе гражданскіе и уголовные законы (въ сокращенномъ видѣ). Казанскій камеральный разрядъ представлялъ отступленіе отъ этого плана, и притомъ не въ свою пользу. Европейское государственное право въ немъ не преподавалось, всеобщая исторія тоже, но зато введены были въ курсъ: химія въ такомъ же объемѣ, какъ у натуралистовъ, ботаника, зоологія и минералогія. Неясное названіе россійскія государственныя учрежденія было впослѣдствіи замѣнено другимъ: россійскіе государственные законы. Конечно, и на камеральныхъ разрядахъ ограниченіе предѣловъ науки изложеніемъ только русскаго законодательсва имѣло тѣже невыгодныя по-

(*) Распредѣленіе предметовъ по факультетамъ въ петербургскомъ университетѣ 1843 г.

слѣдствія, что и на юридическихъ. Соединеніе разнородныхъ предметовъ знанія въ одномъ и томъ же факультетѣ было причиной различныхъ ненормальныхъ явленій, обнаруживавшихся среди слушателей. Такъ напр. въ большинствѣ случаевъ они выказывали явную наклонность заниматься преимущественно технологіей и химіей или сельскимъ хозяйствомъ, а не государственными науками, въ ущербъ смыслу и настоящей цѣли учрежденія. Рѣзко обнаружившіяся неудобства въ организаціи камеральныхъ разрядовъ повели къ ихъ уничтоженію со введеніемъ университетскаго устава 1863 г.

Слушатели лекцій по юридическимъ и политическимъ наукамъ, преподававшимся въ высшихъ училищахъ, состояли, конечно, главнымъ образомъ изъ студентовъ. Если въ предшествовавшее царствованіе правительство принимало особыя мѣры для того, чтобы заставить чиновниковъ пріобрѣтать знанія, подходящія по объему къ университетскимъ курсамъ, если оно учреждало для этой цѣли даже особые курсы, то теперь принимаются мѣры, отчасти въ противуположномъ направленіи. На основаніи устава кіевскаго университета 1833 года и высочайше утвержденнаго въ слѣдующемъ году положенія комитета министровъ чиновники служащіе допускались къ слушанію университетскихъ лекцій по полученіи двойнаго дозволенія—отъ своего начальства и отъ попечителя округа, но не иначе, какъ выдержавъ предварительно экзаменъ и получивъ званіе студента. На томъ же условіи допускались и отставные. По всей вѣроятности находилось очень мало охотниковъ подвергать себя испытанію для того только, чтобы, не оставляя службы или другихъ занятій, удовлетворить своей любознательности. Впрочемъ, въ 1844 г. министромъ народнаго просвѣще-

нія, было разрѣшено, на основаніи положенія о производствѣ въ ученыя степени, допускать къ посѣщенію университетскихъ лекцій чиновниковъ и всѣ вообще лица свободнаго состоянія безъ вступительнаго экзамена. Въ 1847 г. утверждено императоромъ мнѣніе государственнаго совѣта объ уничтоженіи разряда приватныхъ слушателей. Въ этомъ мнѣніи, между прочимъ опредѣлено, «что служащіе и отставные чиновники, точно также какъ и лица всѣхъ свободныхъ состояній, если по роду ихъ занятій, имѣютъ желаніе пріобрѣсть спеціальныя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ наукахъ, допускаются къ посѣщенію университетскихъ лекцій и могутъ подвергаться испытаніямъ какъ на ученыя степени, такъ и для полученія ученаго атестата, который даетъ право на причисленіе къ первому разряду гражданскихъ чиновниковъ». Вскорѣ послѣдовалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ уменьшенію числа даже оффиціальныхъ слушателей университетовъ, т. е. студентовъ. Такъ въ апрѣлѣ 1849 г. штатъ студентовъ въ каждомъ университетѣ ограниченъ былъ 300 человѣкъ и запрещено было принимать вновь въ студенты до тѣхъ поръ, пока наличное число ихъ не дойдетъ до этой цифры. При будущихъ пріемахъ въ студенты предписано выбирать изъ всей массы желающихъ поступить въ университетъ только «самыхъ отличныхъ по нравственному образованію», черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это постановленіе было дополнено объясненіемъ, что положенный штатъ въ 300 человѣкъ не распространяется на медицинскіе факультеты. Но чтобы законъ не былъ обходимъ, студентамъ этихъ факультетовъ было запрещено переходить на другіе. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣръ этого рода была принята въ 1850 году. На основаніи утвержденнаго высочайшей властью до-

клада министра народнаго просвѣщенія было положено отдавать преимущество, при удовлетворительности приготовительныхъ свѣдѣній и при равномъ удостовѣреніи въ отличной нравственности, тѣмъ изъ желающихъ поступить въ студенты университета, которые по происхожденію имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу. Докладъ находитъ, что предлагаемая мѣра есть какъ бы логическое слѣдствіе другихъ правительственныхъ постановленій, изъ которыхъ одно имѣло въ виду возвысить требованіе для пріобрѣтенія личнаго и потомственнаго дворянства службою, а другое ограничивало число студентовъ въ университетахъ 300 человѣкъ. Въ заключеніе министръ мотивируетъ свое представленіе слѣдующимъ образомъ: «осмѣливаюсь думать, что и самая справедливость, и польза общественная, и согласіе съ мѣрами, уже принятыми правительствомъ къ затрудненію пріобрѣтенія личнаго и потомственнаго дворянства, требуютъ утвердительнаго разрѣшенія перваго изъ сихъ вопросовъ (т. е. не слѣдуетъ ли принимать въ студенты преимущественно лицъ, имѣющихъ по происхожденію право вступленія въ гражданскую службу), тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя, по большей части, никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію или на пути къ возвышенію встрѣчаютъ неожиданныя преграды».

Какія бы цѣли ни преслѣдовало правительство, организуя высшія училища для преподаванія юридическихъ и политическихъ наукъ, во всякомъ случаѣ обез-

печеніе каѳедръ преподавателями является дѣломъ первой необходимости. Собственные, такъ сказать, домашнія средства подготовки профессоровъ были еще слишкомъ слабы въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Заграничныя командировки для приготовленія къ профессурѣ представляли почти единственную возможность образовать профессоровъ для университетовъ и другихъ высшихъ училищъ. Мы видѣли уже, что эта мѣра практиковалась и въ первую эпоху нашихъ университетовъ; но въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, согласно съ общимъ направленіемъ политики народнаго образованія, стремленіе русскихъ молодыхъ людей къ полученію дальнѣйшаго образованія въ иностранныхъ университетахъ подверглось ограниченіямъ. Въ 1823 году было запрещено русскимъ подданнымъ посѣщать лекціи университетовъ гейдельбергскаго, іенскаго, гиссенскаго и вюрцбургскаго, которые, по свѣдѣніямъ правительства, „сдѣлались извѣстными по вреднымъ правиламъ въ оныхъ преподаваемымъ и безпорядкамъ тамъ терпимымъ,“ гдѣ проповѣдывались „разрушительныя мнѣнія, коимъ нѣкіе профессоры нѣмецкіе осмѣливаются публично поучать юношество.“ Но ощутительный недостатокъ въ профессорахъ побуждалъ правительство, не смотря на всякія постороннія соображенія, обратиться снова къ тому же испытанному средству обезпеченія университетовъ преподавателями т. е. къ заграничнымъ командировкамъ. Въ 1828 году организованъ былъ, по мысли академика Паррота, такъ называемый профессорскій институтъ, въ который были избраны 20 студентовъ изъ петербургскаго, московскаго и казанскаго университетовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Они должны были предварительно три года заниматься по избранной каждымъ

наукѣ въ дерптскомъ университетѣ подъ руководствомъ профессора по принадлежности и подъ общимъ наблюденіемъ директора, которымъ былъ назначенъ профессоръ Перевощиковъ. За тѣмъ предположено было отправить ихъ на два года въ Германію и Францію. Тогда же, на основаніи высочайшаго повелѣнія, были избраны, изъ петербургской и московской духовныхъ академій шесть лучшихъ студентовъ, которые были помѣщены въ петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ „кандидатовъ правовѣдѣнія," для того, чтобы могли современемъ занять мѣста профессоровъ. Какъ поводъ обратиться къ этой мѣрѣ прямо указывалось желаніе императора „утвердить и распространить преподаваніе въ университетахъ россійскаго законовѣдѣнія." А такъ какъ намѣреніе государя состояло въ томъ, чтобы будущіе профессоры съ теоретическимъ образованіемъ соединяли и практическое знаніе законовъ, то они были поручены особенному руководству начальника II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи Балугьянскаго; въ тоже время на Сперанскаго было возложено опредѣлить всѣ подробности занятій кандидатовъ, какъ научныхъ, такъ и во второмъ отдѣленіи. Въ 1842 году министерство снова обратилось къ совѣтамъ университетовъ съ предложеніемъ избрать лучшихъ кандидатовъ для отправленія за границу, гдѣ они должны были докончить свое образованіе въ видахъ занятія, по возвращеніи въ Россію, профессорскихъ каѳедръ. Въ тоже время были отправлены за границу нѣсколько студентовъ педагогическаго института, занявшіе впослѣдствіе каѳедры юридическихъ и государственныхъ наукъ въ разныхъ университетахъ. Но 1842 годъ былъ послѣднимъ годомъ дѣятельности правительства въ этомъ направленіи. Въ 1842 году циркулярнымъ предложе-

ніемъ министра попечителямъ учебныхъ округовъ запрещены были представленія объ отпускахъ и командировкахъ за границу какъ служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, такъ и студентовъ.

Что касается до свободы преподаванія юридическихъ и государственныхъ наукъ, то правительство во 2-мъ періодѣ жизни нашихъ университетовъ продолжало слѣдовать той системѣ контроля и регламентаціи, которая была принята въ послѣдніе годы жизни императора Александра I-го. Университетскій уставъ, сводившій разныя отрасли науки права и государствовѣдѣнія къ простому изложенію русскаго законодательства, различные правительственные акты, въ которыхъ упоминалось объ усиленіи преподаванія русскаго законовѣдѣнія, о подготовленіи на юридическихъ факультетахъ и въ лицеяхъ чиновниковъ, знающихъ законы, сами собой уже ставили науку въ тѣсныя рамки положительнаго права. Но эти общія опредѣленія съ 1848 года признаются недостаточными. Въ кругъ преподаванія юридическихъ факультетовъ входили и такіе предметы, которые, по самой сущности своей, не могли имѣть дѣла съ положительнымъ законодательствомъ, какъ, напр. энциклопедія права и политическая экономія. Затѣмъ самое изложеніе различныхъ частей законодательства могло быть сопровождаемо сообщеніемъ такихъ теоретическихъ понятій и воззрѣній, которыя совершенно не отвѣчали взглядамъ и намѣреніямъ правительства. Отсюда возникла потребность въ строжайшемъ надзорѣ за лекціями и болѣе точномъ обозначеніи тѣхъ подводныхъ камней, которыхъ долженъ тщательно избѣгать каждый преподаватель въ своей наукѣ. Въ циркулярѣ министра попечителямъ отъ 19 марта 1848 года говорится: „Новѣйшія событія на западѣ Европы ознаменовались воз-

станіемъ противъ законныхъ властей и посягательствомъ на государственный порядокъ. Мятежъ, вспыхнувшій во Франціи, поспѣшно отозвался въ Германіи, угрожая гибельнымъ своимъ вліяніемъ всякому благоустроенному гражданскому обществу. Чтобы пагубныя мудрованія преступныхъ нововводителей не могли проникнуть въ многочисленныя учебныя заведенія наши, считаю священною обязаностью обратить вниманіе Вашего Превосходительства: 1) на духъ преподаванія вообще въ училищахъ и въ особенности въ университетѣ ввѣреннаго вамъ округа „и т. д. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ „сохранить юношество отъ заразы вольнодумства“ признавалось „недопущеніе при преподаваніи учебныхъ предметовъ ничего такого, чтобы могло въ незрѣломъ еще умѣ юношей поколебать вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ основныхъ учрежденій нашего государства.“ Болѣе подробно и тщательно опредѣленъ порядокъ надзора за преподаваніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ инструкціей ректорамъ университетовъ и деканамъ факультетовъ отъ 23 января 1851 года. Такая же инструкція дана въ руководство директору и инспектору главнаго педагогическаго института и Ришельевскаго лицея и директорамъ лицеевъ Демидовскаго и кн. Безбородко. Этотъ документъ въ точности опредѣляетъ обязанности ректора и декановъ относительно наблюденія за преподаваніемъ. Центръ тяжести всѣхъ средствъ усиленнаго контроля лежалъ въ обязанности каждаго профессора представлять предъ началомъ ежегоднаго курса подробную программу, въ которой онъ долженъ былъ объяснить „объемъ, послѣдовательность и способъ преподаванія съ опредѣлительнымъ указаніемъ на сочиненія, предполагаемыя къ руководству вполнѣ или только отчасти.“ Деканы по при-

надлежности факультетовъ и ректоры обязаны были зорко слѣдить за неуклоннымъ выполненіемъ преподавателемъ программы, отъ которой недопускались никакія отступленія, хотя бы требуемыя дальнѣйшимъ развитіемъ науки, безъ особаго представленія факультету и разрѣшенія ректора. Декану предоставлялось право во всякое время „потребовать отъ профессора рукописныя его лекціи, или взять отъ студентовъ составляемыя ими со словъ профессора записки для ближайшей повѣрки преподаванія съ программой.“ Но такъ какъ и за тѣмъ все таки въ преподаваніе могли проскользнуть мнѣнія, высказываніе которыхъ недопускалось тогдашней административной системой, и такъ какъ субъективные взгляды ректоровъ и декановъ на то, что̀ должно считаться вреднымъ направленіемъ въ преподаваніи, могли быть различны, то приходилось прибѣгнуть къ точнѣйшему опредѣленію содержанія программъ, покрайней мѣрѣ по нѣкоторымъ предметамъ. Въ самой инструкціи упоминается, что программы того или другаго предмета, которыя министерство сочтетъ за нужное предоставить собственному своему разсмотрѣнію и утвержденію, „немогли быть измѣняемы безъ особаго распоряженія министерства (*). Всѣ эти мѣры, конечно, должны были оказывать особое вліяніе на полноту, современность и характеръ преподаванія государственныхъ наукъ.

Такимъ образомъ второй періодъ въ исторіи высшаго образованія въ Россіи характеризуется относительно юридическихъ и государственныхъ наукъ, стремленіемъ дать перевѣсъ изученію положительнаго права и поставить задачей высшихъ юридическихъ училищъ при-

(*) Если не ошибаемся такія программы дѣйствительно были даны по политической экономіи и финансовому праву.

готовленіе чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ отечественнымъ законодательствомъ. Это стремленіе, обнаружившееся уже въ 30-хъ годахъ, выразившееся въ университетскомъ уставѣ 1835 г. съ 1848 г., въ виду политическихъ событій на западѣ Европы идетъ объ руку съ усиленной регламентаціей преподаванія и проводится неуклонно до той поры, съ которой начинается новая эпоха въ исторіи русскаго образованія, т. е. до начала настоящаго царствованія. Новое направленіе правительственной политики относительно высшаго образованія обнаружилась прежде всего въ дозволеніи принимать въ университеты неограниченное число студентовъ, и отмѣнѣ запрещенія студентамъ медицинскаго факультета переходить на другіе факультеты. Въ 1859 году было возстановлено, предоставленное академіи наукъ и университетамъ ихъ уставами, но отмѣненное въ 1850 году, право безцензурной выписки книгъ и періодическихъ изданій ученаго содержанія. Ограниченія, наложенныя въ недавнюю эпоху на науку вообще и въ особенности отразившіяся на наукахъ политическихъ, постепенно отстраняются, пока со введеніемъ новаго университетскаго устава они не отходятъ окончательно въ область воспоминаній о минувшемъ времени. Въ 1859 году разрѣшается расширить курсъ московскаго юридическаго факультета введеніемъ преподаванія государственнаго права иностранныхъ державъ. Въ слѣдующемъ году вводится тотъ же предметъ въ казанскомъ университетѣ.

Очевидно, что задача высшаго юридическаго и политическаго образованія начали теперь понимать шире чѣмъ прежде, между тѣмъ фактическое состояніе юридическихъ факультетовъ далеко нельзя было назвать удовлетворительнымъ: профессоровъ было мало и многія каѳедры, въ особенности въ провинціальныхъ универси-

тетахъ, долгое время оставались незамѣщенными, конкурсы объявлялись по нѣскольку разъ на одну и туже каѳедру, но конкурренты не являлись по той простой причинѣ, что людей, посвятившихъ себя наукѣ и не занимавшихъ въ тоже время каѳедры, почти не было. Министерство обращаетъ вниманіе университетскихъ совѣтовъ на этотъ крайній недостатокъ въ профессорахъ вообще и предлагаетъ имъ высказать мнѣнія о средствахъ подготовки въ большомъ числѣ какъ профессоровъ, такъ и учителей гимназій. Въ это же самое время (20 января 1862 г.) разрѣшается приглашать иностранныхъ ученыхъ въ преподаватели русскихъ университетовъ. Мѣра эта однако, какъ надобно было ожидать, не имѣла никакихъ особенно видныхъ результатовъ. Но за то гораздо богаче послѣдствіями было полученное министромъ народнаго просвѣщенія въ 1862 году разрѣшеніе отправлять, по его выбору, молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ заграничныя командировки, какъ со стороны министерства, такъ и со стороны университетовъ, не прекащались. 18-го іюня 1863 года утвержденъ новый университетскій уставъ. Въ слѣдующемъ году открытъ на основаніяхъ этого устава новороссійскій университетъ, а въ 1870 году преобразованъ ярославскій Демидовскій лицей, на основаніи временнаго устава, введеннаго на три года. Новый университетскій уставъ является живымъ выраженіемъ измѣнившихся воззрѣній на цѣли и задачи юридическаго и политическаго образованія. Не говоря уже о томъ, что въ обозначеніи наукъ вездѣ слово законъ замѣнено терминомъ право, что вмѣсто русскихъ государственныхъ законовъ должны преподаваться теорія государственнаго права, европейское и русское государственное право,

уставъ значительно увеличиваетъ число каѳедръ на юридическомъ факультетѣ и, что всего важнѣе, даетъ факультетамъ и совѣту право дѣлать представленія о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, замѣнѣ однихъ изъ нихъ другими. Свободное движеніе и развитіе науки не ставится, такимъ образомъ, на болѣе или менѣе продолжительное, время въ безусловную зависимость отъ закона, который могъ имѣть въ виду только положеніе и потребности науки, современныя эго изданію.

Русскіе университеты не замедлили воспользоваться правомъ предоставленнымъ имъ уставомъ, дѣлить факультеты на отдѣленія. Университеты петербургскій, кіевскій, казанскій и харьковскій представили въ 1864 г. свои соображенія о необходимости раздѣлить юридическій факультетъ на два отдѣленія: 1) наукъ чисто юридическихъ и 2) наукъ государственныхъ или административныхъ, какъ назвали ихъ нѣкоторые университеты. Это одновременное представленіе четырехъ университетовъ о раздѣленіи юридическаго факультета, конечно служитъ только подтверждеріемъ справедливости той мысли, что наука о государствѣ достигла такой степени развитія и полноты, что требуетъ созданія особаго учебнаго организма для ея преподаванія. Проекты раздѣленія юридическаго факультета на два разряда, исходятъ изъ одной и той же идеи и различаются между собой въ подробностяхъ распредѣленія предметовъ между разрядами (*). Отдѣленія государственныхъ наукъ, возникшія въ нашихъ университетахъ, представ-

(*) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой распредѣленія предметовъ преподаванія по разряду административныхъ наукъ въ юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, и потому

ляютъ каждое извѣстные недостатки относительно расположенія предметовъ преподаванія. Время и опытъ произведутъ, безъ сомнѣнія, необходимыя исправленія и улучшенія въ этомъ отношеніи. Но для настоящаго уже важно то, что сама по себѣ справедливая мысль объ организаціи самостоятельнаго преподаванія государственныхъ наукъ въ нашихъ университетахъ нашла себѣ осуществленіе.

Въ Германіи и въ особенности во Франціи идутъ толки о томъ, какъ лучше организовать это преподаваніе: воспользоваться ли для этого существующими юри-

---

должны ограничиться сообщеніемъ свѣдѣній о трехъ университахъ: кіевскомъ, харьковскомъ и казанскомъ.

Кіевскій университетъ.

Юридическій факультетъ дѣлится на два отдѣленія: 1) наукъ *чисто-юридическихъ* и 2) наукъ *государственно-административныхъ*.

Предметы общіе для обоихъ отдѣленій:

1) Энциклопедія права, 2) исторія иностранныхъ законовъ, 3) исторія русскаго права и 4) церковное законовѣдѣніе.

Спеціальные предметы:

1) Гражданское право, судоустройство и судопроизводство, 2) уголовное право, уголовное судопроизводство и судоустройство, 3) римское право, 4) русское государственное право, 5) части полицейскаго права: торговое право, законы о паспортахъ и бѣглыхъ, законы о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о тюрьмахъ и ссыльныхъ, 6) обозрѣніе политико-экономическихъ наукъ (политической экономіи, благоустройства и финансоваго права), 7) общая статистика и уголовная статистика.

1) Государственное право, 2) полицейское право, 3) финансовое право, 4) международное право, 5) политическая экономія и статистика.

дическими или философскими факультетами (въ Германіи), школами права (во Франціи), или слѣдуетъ создать особый факультетъ въ германскихъ университетахъ (такъ предлагаетъ Моль) и особое высшее училище государственныхъ наукъ, въ системѣ французскихъ учебныхъ заведеній. Для насъ эти толки не имѣютъ существеннаго значенія. Вообще вопросъ о сосредоточеніи всѣхъ знаній, составляющихъ предметъ, такъ называемаго, ученаго образованія, въ университетахъ или ихъ распредѣленіи по различнымъ спеціальнымъ школамъ (юридическимъ, филологическимъ, математическимъ и

Для слушателей государственно-административныхъ наукъ факультетъ предполагалъ преподавать основанія гражданскаго и уголовнаго права въ энциклопедіи права и очеркъ исторіи римскаго права въ исторіи иностранныхъ законовъ.

Харьковскій университетъ.

Разрядъ юридическихъ наукъ. Разрядъ государственныхъ наукъ.
Предметы общіе, главные:

1) Энциклопедія права, 2) исторія иностранныхъ законовъ, 3) исторія русскаго права и славянскихъ законовъ, 4) русское государственное право, 5) политическая экономія и статистика, 6) церковное законовѣдѣніе.

Предметы общіе дополнительные:

1) Новѣйшая всеобщая исторія, 2) одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, 3) логика и психологія.

Предметы спеціальные главные:

7) Римское право, 8) гражданское право съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, 9) уголовное право съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, 10) частное международное право.

7) Теорія государственнаго права и европейское государственное право, 8) полицейское право, 9) финансовое право и 10) международное право.

Спеціальные дополнительные:

4) Судебная медицина, 5) латинскій языкъ.

4) Обзоръ гражданскаго права и судопроизводства, 5) обзоръ уголовнаго права и судопроизводства.

т. п.) есть дѣло историческихъ условій и національныхъ особенностей, подъ вліяніемъ которыхъ развилась та или другая система учебной организаціи въ отдѣльныхъ странахъ. Университетская система, безъ сомнѣнія, имѣетъ весьма много доводовъ за себя, относящихся не столько къ успѣшному ходу ученія въ извѣстной спеціальности, сколько къ выгодамъ всесторонняго развитія учащихся и нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, хотя и постороннимъ для спеціальнаго образованія, но отражающимся нерѣдко на всей нравственной личности, на всемъ складѣ ума и характера студентовъ. Тѣмъ не менѣе университетская система не исключаетъ и противуположной, т. е. системы спеціальныхъ школъ. Въ странѣ, въ которой, какъ въ Германіи, высшее ученое образованіе сосредоточивается въ университетахъ, конечно удобнѣе воспользоваться этими училищами и дать

Казанскій университетъ.

Разрядъ юридическихъ наукъ. Разрядъ государственныхъ наукъ.

Общіе главные предметы:

1) Энциклопедія права, 2) государственное право (общее и русское), 3) исторія русскаго права, 4) исторія иностранныхъ законодательствъ, 5) международное право, 6) политическая экономія, 7) финансовое право.

Спеціальные главные:

8) Римское право и его исторія, 9) гражданское право, 10) гражданское судоустройство и судопроизводство, 11) уголовное право, 12) уголовное судоустройство и судопроизводство, 13) каноническое право.

8) Государственное право европейскихъ державъ, 9) полицейское право.

Дополнительные:

1) Европейское государственное право, 2) полицейское право, 3) судебная медицина.

1) Гражданское право, 2) гражданское судопроизводство, 3) уголовное право и уголовное судопроизводство, 4) каноническое право.

мѣсто новому факультету государственныхъ наукъ среди существующихъ уже изстари факультетовъ. Тоже примѣняется и къ нашимъ университетамъ; у насъ нѣтъ даже необходимости создавать совершенно особый факультетъ: раздѣленіе юридическаго на два разряда совершенно соотвѣтствуетъ имѣющейся въ виду цѣли.

Планы распредѣленія государственныхъ наукъ въ существующихъ, при нѣкоторыхъ юридическихъ факультетахъ, отдѣленіяхъ этихъ наукъ нельзя считать вполнѣ удачными. Они страдаютъ многими недостатками, которые объясняются разными, нерѣдко совершенно случайными, причинами. Такъ какъ на практикѣ еще не выработался опредѣленный взглядъ на взаимную связь и относительную важность отдѣльныхъ частей государствовѣдѣнія, то позволительно думать, что нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о классификаціи его отраслей не будутъ лишены всякаго значенія. Единственно правильное начало для распредѣленія предметовъ преподаванія въ факультетахъ (отдѣленіяхъ) государственныхъ наукъ должно быть выведено изъ построенной на раціональныхъ основаніяхъ системы государствовѣдѣнія. Наука о государствѣ есть часть той обширной отрасли человѣческихъ знаній, которая можетъ быть названа соціологіей. Изслѣдованіе законовъ, которымъ подчиняются явленія общественной жизни, составляетъ содержаніе соціологіи. Среди разнообразныхъ явленій общественности одинъ видъ ихъ обнимаетъ собой явленія, вытекающія изъ существованія и дѣятельности въ обществѣ государственнаго начала. Изученія свойствъ, которыми отличается организація этого начала и его дѣятельность, раскрытіе посредствомъ этого изученія законовъ, которые управляютъ ходомъ государственной жизни вообще, и исключеній изъ нихъ, вы-

зываемыхъ мѣстными, временными и національными особенностями, — вотъ задачи и содержаніе науки о государствѣ въ ея цѣлости. Съ этой точки зрѣнія наука о государствѣ конечно представляетъ единое цѣлое и не должна дробиться на такія отдѣльныя и по точкѣ зрѣнія даже противуположныя другъ другу науки, какъ принимаемыя нѣмецкими писателями: философское или общее государственное право, политика и общее ученіе о государствѣ (*). Предметъ изслѣдованія всѣхъ этихъ наукъ одинъ: дѣятельность государственнаго начала въ отношеніи къ обществу; но эта дѣятельность можетъ быть обращена государствомъ или на свою собственную организацію, такъ сказать на самоустройство, или на регулированіе различныхъ общественныхъ явленій и отношеній. Сообразно съ этимъ единая и цѣльная наука о государствѣ распадается на два большіе отдѣла. Первый имѣетъ задачей изслѣдованіе законовъ внѣшней организаціи государственнаго начала въ человѣческомъ обществѣ. Сюда входитъ разсмотрѣніе тѣхъ формъ, въ которыя облекается власть законодательная, правительственная и судебная въ государствѣ, а также органовъ, посредствомъ которыхъ дѣйствуютъ эти власти; такими органами являются правительство въ тѣсномъ смыслѣ слова, общество, пользующееся самоуправленіемъ, и частныя соединенія людей, частныя общества (Verein). Весь этотъ отдѣлъ можетъ быть названъ именемъ *государственнаго устройства.* Но собственная организація, самоустройство есть для государства только средство къ выполненію его назначенія, заключающагося въ регулированіи общественныхъ отношеній. Про-

---

(*) Сергѣевича: задача и метода государственныхъ наукъ, 1871 г.

цессъ регулированія состоитъ въ томъ, что государство принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для содѣйствія матеріальному, умственному и нравственному благосостоянію гражданъ. Ученіе о законахъ, которымъ слѣдуетъ государственное начало въ своей дѣятельности относительно общества, составляетъ 2-й отдѣлъ науки о государствѣ, который можетъ быть названъ наукой *государственнаго управленія*. Въ этомъ отношеніи государство прежде всего опредѣляетъ и охраняетъ права частныхъ лицъ, общественныхъ сферъ и свои собственные на пользованіе различными благами. Эта дѣятельность государственнаго начала составляетъ задачу *науки права* и, по своей обширности и особеннымъ свойствамъ, выдѣляется изъ общей массы государственныхъ наукъ подъ именемъ юридическихъ наукъ. Онѣ являются предметомъ самостоятельнаго учебнаго организма. Далѣе для осуществленія назначенія государственнаго начала, для того, чтобы оно могло проявить свою дѣятельность ему нужны матеріальныя средства. Дѣятельность государства, направленная на добываніе этихъ средствъ и ихъ надлежащее употребленіе, входитъ также въ кругъ задачъ, изслѣдованіе которыхъ занимаетъ науку о государствѣ. Ученіе о матеріальныхъ средствахъ для государственной дѣятельности выдѣляется изъ науки государственнаго управленія подъ именемъ *финансовой науки*, которая, конечно, также въ видѣ составной части входитъ въ полную систему государственныхъ наукъ. Такимъ образомъ, за выдѣленіемъ права и финансовъ, на долю науки государственнаго управленія остается такъ называемое *внутреннее управленіе государствомъ* (то, что французы называютъ административнымъ правомъ, а нѣмцы, до появленія послѣдняго труда Л. Штейна, называли полицейскимъ правомъ). Одновременное сосуще-

ствованіе многихъ государствъ вызываетъ изслѣдованіе отношеній между ними, которое составляетъ задачу науки, извѣстной подъ именемъ *международнаго права*. Этими отдѣлами исчерпывается все содержаніе науки о государствѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Различные вопросы, входящіе въ систему такъ называемаго общаго ученія о государствѣ, могутъ быть размѣщены въ ученіи о государственномъ устройствѣ и ученіи о государственномъ управленіи. Такъ напр. вопросъ о возникновеніи и паденіи государствъ сводится къ изслѣдованію внутреннихъ причинъ этихъ явленій въ человѣческихъ обществахъ. Эти причины объясняются аномаліями государственнаго устройства и управленія, которыя, въ свою очередь, глубоко скрываются въ соціальныхъ условіяхъ и отношеніяхъ. Ученіе о разныхъ видахъ свободы гражданъ также распредѣляется по отдѣльнымъ частямъ государствовѣдѣнія: политическія права входятъ цѣликомъ въ государственное устройство, изложеніе отдѣльныхъ видовъ свободы гражданина въ государствѣ находитъ мѣсто въ соотвѣтствующихъ частяхъ науки внутренняго управленія. Остается только опредѣленіе понятія государственнаго начала и изслѣдованіе его происхожденія въ человѣческихъ обществахъ, съ котораго пришлось-бы начинать изложеніе каждой части государствовѣдѣнія. Во избѣжаніе такого повторенія и изъ чисто дидактическихъ видовъ, нѣкоторые общіе вопросы, относящіеся, такъ сказать, къ природѣ государства, могутъ быть соединены въ отдѣльное цѣлое подъ именемъ общаго ученія о государствѣ или *государственной пропедевтики*.

Вотъ существенные отдѣлы науки о государствѣ, изъ которыхъ каждый можетъ быть предметомъ отдѣльнаго преподаванія. Ими замыкается кругъ собственно

государственныхъ наукъ, но законы, которымъ подчиняется дѣятельность государственнаго начала, находятся въ такой тѣсной связи съ законами, опредѣляющими явленія другихъ общественныхъ сферъ, въ особенности законами, управляющими экономическою жизнью общества, что при изученіи приходится пополнить тѣсный кругъ государственныхъ наукъ, въ собственомъ смыслѣ слова, включеніемъ въ него нѣкоторыхъ другихъ отраслей соціологіи. Прежде всего на такое положеніе имѣютъ право политическая экономія и статистика. Затѣмъ историческій пріемъ изслѣдованія такъ важенъ при изученіи общественныхъ явленій, что даетъ поводъ ввести въ кругъ преподаванія изслѣдованіе государственнаго начала въ его историческомъ развитіи, какъ особый предметъ. Исторія государства или, если можно такъ выразиться исторія государственности у разныхъ народовъ міра должна сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго преподаванія на факультетахъ государственныхъ наукъ, подобно тому, какъ исторія права занимаетъ такое положеніе у юристовъ. Постепенный процессъ интелектуальнаго и матеріальнаго развитія человѣчества, конечно, долженъ быть извѣстенъ тому, кто посвятилъ свой трудъ изученію государства. Потому нельзя не желать включенія въ число предметовъ преподаванія на факультетахъ государственныхъ наукъ исторіи, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ исторіи культуры. Право, какъ мы видѣли, составляетъ одно изъ проявленій дѣятельности государственнаго начала;—знакомство съ общими основаніями наукм права предполагается у занимающихся государствовѣдѣніемъ. Этой цѣли можетъ удовлетворить преподаваніе энциклопедіи права, а также гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права въ короткомъ очеркѣ.

Предпославъ эти общія замѣчанія о системѣ государственныхъ наукъ и находящихся съ ними въ ближайшей связи отрасляхъ знанія, можно установить слѣдующій планъ распредѣленія каѳедръ въ отдѣленіяхъ государственныхъ наукъ:

1) пропедевтика государствовѣдѣнія;
2) государственное устройство,
3) внутреннее государственное управленіе,
4) наука о финансахъ,
5) международное право,
6) политическая экономія,
7) статистика,
8) всеобщая исторія государства,
9) исторія государственнаго развитія Россіи,
10) исторія культуры,
11) энциклопедія права,
12) обзоръ гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права.

И такъ въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ университетовъ существуетъ уже особый учебный институтъ, назначенный для преподаванія государственныхъ наукъ, но оправдываетъ ли дѣйствительность его существованіе? На столько ли значителенъ приливъ слушателей въ факультетахъ государственныхъ наукъ, чтобы была надобность въ отдѣльной, самостоятельной организаціи преподаванія этой отрасли знаній? Если смотрѣть на дѣло только съ точки зрѣнія количества слушателей, то придется согласиться на отрицательное рѣшеніе этихъ вопросовъ. Однако позволительно въ свою очередь спросить: слѣдуетъ ли при организаціи учебнаго дѣла въ университетахъ руководиться только количествомъ лицъ,

желающихъ изучать ту или другую отрасль человѣческихъ знаній? Если это такъ, то не пришлось ли бы закрыть нѣсколько лѣтъ тому назадъ филологическій факультетъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, такъ какъ количество слушателей на немъ было весьма незначительно? Ту же мѣру пришлось бы, пожалуй, примѣнить въ настоящее время къ отдѣленіямъ естественныхъ наукъ нѣкоторыхъ физико-математическихъ факультетовъ. Дѣйствительно число студентовъ на отдѣленіяхъ государственныхъ наукъ, со времени ихъ открытія и до сихъ поръ, очень незначительно. Но причина этаго явленія заключается въ томъ, что у нашихъ студентовъ, въ большинствѣ случаевъ, при выборѣ ими того или другаго факультета, играютъ немаловажную роль соображенія о выгодности или невыгодности предстоящей служебной карьеры, въ чемъ, конечно, нельзя ихъ винить. Юридическіе факультеты такъ поставлены, что кончившему курсъ на нихъ, открытъ одинаково-свободный доступъ не только къ судебной, но и къ административной службѣ. У насъ не введена система служебныхъ испытаній, выражающая тѣ требованія, которыя государство предъявляетъ лицамъ, желающимъ служить ему въ качествѣ дѣятелей администраціи; чиновникомъ административнаго вѣдомства можетъ быть не только юристъ, но и окончившій курсъ на всякомъ другомъ факулететѣ, даже просто нигдѣ не учившійся. Стало-быть административная служба, въ случаѣ надобности, доступна всегда, между тѣмъ какъ такъ много обѣщающая судебная вербуетъ своихъ дѣятелей изъ числа людей, получившихъ спеціальное юридическое образованіе. Понятенъ такимъ образомъ приливъ слушателей на чисто юридическіе факультеты, которые количествомъ ихъ перетягиваютъ нынѣ медицинскіе факуль-

теты, въ прежнее время считавшіеся самыми многочисленными. Въ послѣдніе годы правительство, удовлетворяя настоятельной нуждѣ общества въ медикахъ, дало различныя льготы студентамъ Медико-хирургической академіи и медицинскихъ факультетовъ; вслѣдъ за этой мѣрой не замедлило уже обнаружиться нѣкоторое уменьшеніе слушателей на юридическихъ факультетахъ и увеличеніе ихъ на медицинскихъ. Безъ сомнѣнія настанетъ и для нашей страны время, когда желающіе получить высшее образованіе, при выборѣ спеціальности, будутъ болѣе руководиться своими собственными склонностями, влекущими ихъ къ изученію той или другой области знанія, а не побочными соображеніями о выгодахъ будущей карьеры. Конечно, такая перемѣна направленія въ умахъ молодаго поколѣнія много зависитъ отъ дальнѣйшаго развитія русскаго общества, улучшенія его интеллектуальнаго и матеріальнаго положенія. Но вѣра въ неизбѣжность прогресса не оставила еще никого изъ русскихъ людей. Мы твердо убѣждены, что въ недалекомъ будущемъ наука о государствѣ найдетъ многихъ любителей и число ея адептовъ возрастетъ въ значительной степени. Та или другая сфера знаній, помимо своего внутренняго интереса, можетъ имѣть еще въ извѣстную эпоху исторической жизни народа глубокое общественное значеніе. Въ странѣ гдѣ органы судебной власти поставлены такъ неудачно, что трудно ожидать отъ ихъ дѣятельности вѣрнаго обезпеченія для личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ, гдѣ надъ отдѣльными классами общества тяготѣютъ несправедливыя привилегіи, исключающія непривилегированные классы отъ пользованія общими гражданскими правами,—въ этой странѣ наука права должна предпочтительно передъ другими сосредоточивать на себя

вниманіе мыслящихъ людей. Задачи внутренней политики, требованія раціональнаго управленія остаются пока въ тѣни. Для насъ, какъ и для остальной Европы, къ счастію, невозвратно миновала эта эпоха. Мы пользуемся правильно организованной судебной властью, мы имѣемъ спеціально-образованныхъ и добросовѣстныхъ судей; въ нашемъ отечествѣ пала вѣковая и самая несправедливая изъ привиллегій—право владѣнія личностью человѣка; мы находимся на пути къ уничтоженію другихъ общественныхъ привилегій. Можно сказать, что съ этой стороны наука права сдѣлала свое дѣло. Безъ сомнѣнія, она всегда будетъ привлекать къ себѣ достаточное число людей, желающихъ посвятить ей свои труды, но для нихъ притягательная сила будетъ заключаться въ самомъ содержаніи науки, занятія которой отвѣчаютъ ихъ способностямъ и вкусамъ, удовлетворяютъ ихъ личной склонности, а не въ ея современномъ общественномъ значеніи. Въ другихъ условіяхъ находится въ наше время наука о государствѣ. Лихорадочная борьба взаимно перекрещивающихся экономическихъ, политическихъ, религіозныхъ и культурныхъ интересовъ заставляетъ современнаго человѣка съ страстнымъ, напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за всѣми перепетіями этой борьбы. Разрѣшеніе столкновеній между различными, часто противуположными общественными интересами, было бы дѣломъ чистаго случая, если бы надъ всѣми ими не владычествовала одна могучая сила, вся дѣятельность которой состоитъ въ томъ, чтобы правильно устроить отношенія между общественными элементами, уравновѣсить выгоды и невыгоды ихъ положенія, создать условія, необходимыя для блага цѣлаго общества, а не отдѣльныхъ только классовъ. Эта сила—государственная власть. Но органы ея тогда только мо-

гутъ разсчитывать на плодотворные результаты своей дѣятельности, когда имъ будутъ извѣстны законы, управляющіе явленіями государственной жизни. Наука, ставящая своей задачей безпристрастное изслѣдованіе этихъ явленій, наука трезвая и чуждая увлеченій, есть единственный и истинный руководитель государственныхъ людей и администраторовъ. Но и изъ среды непризванныхъ къ политической и административной дѣятельности, вѣроятно, многіе также съ любовью отдадутся изученію предмета, представляющаго такой высокій, современный интересъ. И въ этомъ смыслѣ смѣло можно высказать увѣренность въ томъ, что государственнымъ наукамъ предстоитъ блестящая будущность.